

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН

ОЛДИ

**СМЕХ
ДРАКОНА**

ФЭНТЕЗИ-АЛЬТЕРНАТИВА

Генри Олди
Смех дракона (сборник)

«Автор»

2010

Олди Г. Л.

Смех дракона (сборник) / Г. Л. Олди — «Автор», 2010

Дракон смеется хорошо, потому что дракон смеется последним. Великий маг спасает ученика, попавшего в беду, ибо не вправе поступить иначе. Выкормыш Черной Вдовы мстит приютившей его деревне. Елена Прекрасная вспоминает всех своих мужчин. Человечество обречено грешить по расписанию. Крутится старая карусель, унося седока в яростные битвы; отправляется в путь скорый поезд – «Страшный суд № 20»; в одном городе было слишком много вампиров... Книгу составили новые рассказы Г. Л. Олди – смешные, страшные, неожиданные. Также вниманию читателей предлагается художественная публицистика, посвященная острым проблемам современной фантастики, и «Неравнозначье» – стихи Олега Ладыженского.

© Олди Г. Л., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Смех дракона	5
Сын Черной Вдовы	5
Принц тварей	21
Смех дракона	32
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Генри Лайон Олди

Смех дракона

(сборник)

Смех дракона

Посвящается Р. Говарду

Сын Черной Вдовы

*Безвинно я качался в колыбели,
Когда меня колдунья закляла,
И я повлекся по дорогам зла,
Срывая ледяные асфодели.
По гребням скал, что призраки обсели,
Вблизи щелей, где залегала мгла,
Незримая рука меня вела
На встречу с Бесом в адской цитадели.*

Роберт Говард

Тьма клубилась плотным облаком, текла вязкими струями, обволакивала. Сколько ни напрягай зрение – все равно ничего не увидишь. Но Краш уже знал: если, наоборот, расслабиться, перестать до рези в глазах всматриваться в окружающий мрак и зажмуриться, оставив лишь крошечные щелки между век – тьма начнет твердеть, застывая подобно черному воску. Тогда, спустя дюжину ударов сердца, можно будет разглядеть стены пещеры, сочащиеся влагой, плиту из полированного гранита, закрывающую вход, и широченный лаз под потолком, откуда едва ощутимо веет теплым воздухом с легким запахом мускуса.

И еще – тлена.

Это умение – видеть в темноте – пришло к нему недавно. Три дня назад? Четыре? Неделю? Краш не знал точно. Он потерял счет времени. Поначалу он пытался считать дни своего заточения: кажется, еду и воду приносили раз в сутки, хотя он был не вполне в этом уверен. Но после пятнадцатого или шестнадцатого явления молчаливого тюремщика он сбился со счета. Числа в голове стали путаться, и в конце концов Краш бросил это бесплодное занятие. В конце концов, какая разница, сколько он здесь: три недели, месяц или больше?

Вот «темное зрение» – другое дело. Возможно, с его помощью когда-нибудь удастся бежать из мрачных подземелий Шаннурана.

Отчетливое и резкое, как удар бича, «когда-нибудь» явилось внезапно, ничуть не удивив маленького узника. Будь он взрослее, он бы задумался, откуда взялись сомнения, придя на смену былой уверенности, но Крашу исполнилось всего десять лет. Или одиннадцать? С числами определенно творилось что-то неладное.

Неладное творилось не только с числами, но и с самим Крашем, просто мальчик этого не понимал. А чудеса с глазами, видящими в темноте, счел делом обычным, не стоящим раздумий. В плену он находится долго, глаза мало-помалу привыкли...

Едва придя в себя после безумного кошмара, куда его без жалости швырнули руки подземных воинов-а'шури, он мыслил лишь о побеге. Побеге – и сладкой мести. Он вырвется из адских темниц Шаннурана, доберется до столицы Аккарии и расскажет людям о страшной участи, постигшей их деревню... Да, и еще, конечно, о несметных сокровищах, хранящихся в пещерах а'шури! Король Этнагон возрадуется и двинет на врага свою непобедимую армию! Пускай не для того, чтобы покарать зловещую расу, изрывшую тоннелями корни гор; пусть ради сокровищ – главное, погубителям деревни придет конец!

А если Крашу не поверят, он найдет могущественного мага, напросится к нему в ученики – ради мести он согласен обречь собственную душу на заточение в нефритовом зеркале! – и когда выучится, громами и молниями обрушит своды пещер на головы а'шури!

Для начала требовалась сущая безделица: удачный побег.

...В первый же день мальчик на ощупь обследовал дверь и стены. В итоге он убедился, что его сил не хватит на то, чтобы отодвинуть гранитную плиту, даже если ее и не запирает снаружи некое хитроумное устройство. Влажные стены в известковых потеках лишили Краша надежды на тайный ход. Но мальчик не отчаялся. Может быть, ему удастся проскользнуть мимо стража, когда тот принесет еду?

Краш с наслаждением убил бы тюремщика. Увы, в одиночку и без оружия ребенку не одолеть взрослого воина. Зато в проворстве он вполне мог потягаться с угрюмым стражем. Едва гранитная плита со скрежетом двинулась с места, узник рванулся вперед. Миновав опешившего тюремщика, он не успел сделать и трех шагов, как оступился в непроглядном мраке, царившем не только в пещере, но и за ее пределами, полетел вниз по гладким ступеням и чудом не свернул себе шею.

Очнувшись Краш на прежнем месте. Вскоре он обнаружил, что в наказание за попытку сбежать его оставили без еды. На полу стояла лишь глиняная плошка с водой: а'шури не собирались уморить юного пленника жаждой. Но поголодать дерзкому придется – для вразумления.

Мальчика терзали опасения, что голодом кара не ограничится. Возможно, его избыют или подвергнут мучительным пыткам? Нет, ничего подобного не случилось. Никто не явился истязать беглеца: о нем словно забыли. Тело, избитое о ступени при падении, ныло, но кости были целы. Дуря от скуки, густо замешанной на страхе, Краш вновь начал обследовать пещеру и обратил внимание на слабый ток теплого воздуха, идущий откуда-то сверху.

Неужели там есть путь к спасению?!

Он попытался вскарабкаться по скользкой стене. С третьего или четвертого раза это ему удалось. Краш подтянулся, уцепился пальцами за шершавый край тоннеля – камень был на удивление сухим, – и в следующий миг его накрыла волна беспредельного, физически ощутимого ужаса, швырнув обратно на пол темницы. Без сомнения, ужас выплеснулся из тоннеля, которым мальчик наивно решил воспользоваться для бегства!

Вслед за безотчетным и необъяснимым ужасом, сжавшим внутренности в один пульсирующий комок и вызвавшим у Краша безостановочную икоту, из тоннеля надвинулся шелест – сухой и ритмичный. Казалось, чешуйчатый змей-гигант, реликт ушедших в небытие эпох и эонов, приближался сейчас к пленнику, мигом покрывшемуся холодным потом.

Увы, это был не змей.

По тоннелю двигалась Черная Вдова.

Краш уже имел несчастье видеть ее однажды – и едва не лишился чувств от омерзения. А может, и лишился – он плохо помнил.

Шорох за каменной дверью вырвал его из воспоминаний.

Она?!

Нет. Она приходит с другой стороны, из глубин преисподней, откуда в лабиринт Шаннурана плывет ослабленный жар геенны. Из-за этого здесь вечно царит противоестественная, влажная духота. А дверь открывают люди. А'шури, Пасынки Черной Вдовы, как они себя называют.

Похоже, а'шури сами боятся своей жуткой «мачехи»!

Краш оскалился в злорадной улыбке. Да, боятся! А вот он ее больше не боится. Ни капельки. Ну, почти ни капельки...

Он различил тихое шлепанье босых ног по ступеням, на которых едва не разбился вдребезги. В последнее время не только зрение – слух и обоняние мальчика тоже сильно обострились, выйдя за грань человеческих качеств.

Скрежет гранитной плиты резанул по ушам. Знакомый страж – Краш различал его во тьме, как приземистую мощную фигуру, сотканную из тускло-багровых отблесков – принес скудную порцию еды и плошку с водой. Еды мальчику всегда не хватало. Сперва он заподозрил, что это – часть пытки, но скоро узнал, почему его держат впроголодь. А'шури хотят, чтобы он питался *млечным соком*. Ему не оставили выбора.

Вернее, выбор был: умирать, медленно угасая от голода и жажды. Но Краш хотел жить. Когда-нибудь он выберется отсюда...

Сейчас, зная, в какой стороне находятся ступени, ведущие в глубину подгорного лабиринта, он, пожалуй, рискнул бы на повторное бегство. Проскользнуть мимо тюремщика и, пользуясь умением видеть в темноте, ринуться по тоннелям вверх...

Это шанс, пусть и не слишком большой.

Краш остался на месте. Дождался, пока плита встанет на место, и жадно набросился на еду, пальцами выгребая из миски склизкую массу и отправляя ее в рот. Грибы, коренья, лохмотья вареного мяса... Поначалу он даже представить боялся, чье мясо варилось в котле а'шури. Сейчас же такие пустяки его не волновали. Надо выжить, выжить любой ценой, набраться сил, окрепнуть – и тогда...

Еще недавно Краш воспользовался бы малейшим шансом – тенью! призраком шанса! – лишь бы вновь обрести свободу! Неужели он поумнел за время, проведенное в темнице? Или стал робким трусом? Нет, осторожность имела другую природу. Подспудные изменения затронули не только слух и зрение, обоняние и осязание. Что-то творилось с разумом, с сердцем, с самой душой мальчика.

Он больше не хочет убежать?

Конечно, хочет! И обязательно убежит!

Когда-нибудь...

Мальчик доел остывшее варево, тщательно облизал пальцы, затем – миску и отхлебнул воды из плошки. Воду следовало беречь. Неизвестно, когда он получит очередную возможность вдоволь насосаться млечного сока, который – и еда, и питье одновременно. Сок не такой уж гнусный на вкус, как показалось вначале. Или он привык? Еда тоже больше не вызывает тошноту. Ну, пованивает слегка тухлятиной – что с того? Есть можно. А грибы попадаются вкусные...

Снова шорох.

Почудилось? Краш прислушался. Нет, ничего похожего на знакомый шелест чешуи и ритмичное царапанье когтей по шершавому камню. Выбрав место посуше, он улегся на теплый пол пещеры и стал вспоминать, как судьба швырнула его в объятия Черной Вдовы.

...А'шури напали на деревню безлунной ночью, когда небо затянула мглистая пелена туч и даже свет далеких звезд не достигал забывшейся тревожным сном долины. Что-то носилось в воздухе в последние дни, неясное предчувствие беды, дыхание неотвратимости. Ах, будь это

простой разбойничий набег! Разбойникам нужна добыча, и деревня получила бы возможность откупиться.

Налетчики тоже нуждались в добыче, но совсем иного рода. Они не оставили земледельцам ни единого шанса. Возможно, кому-то удалось спастись бегством, хотя вряд ли. Воины а'шури видели в темноте, как совы. Теперь Краш и сам обладал «темным зрением», но, как говорится, дорог нож к резне...

Его разбудил отчаянный крик, полный муки и ужаса. Еще не до конца проснувшись, Краш ощутил, что ночь снаружи полна звуками: лязг металла, топот ног, надсадное дыхание... Зашелся лаем цепной кобель Бортус. Лай почти сразу оборвался, на смену ему пришли крики людей, треск, хриплые проклятия. За стеной тяжело шагнул к двери отец.

Скрип петель.

– Вставайте! Бегите к лесу! Я их задержу!

Взвизг стали, влажный хруст.

– Получай, ублюдок! Давайте, подходите! Мой меч заждался! Ланга, Краш, Нитта – скорее! Бегите!

Краш вскочил с лежанки, ухватил за руку сестренку – та спросонок терла кулачками глаза – и бросился к выходу.

– Краш, Нитта?!

– Мы здесь, мама!

– Бегите!

Ночь плеснула в лицо жирной копотью мрака, разорванного охристым пламенем. Во дворе жарко полыхала копна сена. Краш понял: копну, бросив факел, поджег отец, потому что нападавшим свет был не нужен. А'шури смутными тенями скользили за пределами освещенного круга, подбираясь к хозяину дома. Отец стоял в двух шагах от двери, занеся над правым плечом окровавленный меч. У ног его в черно-бурых маслянистых лужах скорчились два мертвых тела.

Боевое безумие мало-помалу овладевало отцом, в прошлом – единственным из телохранителей лорда Плимута, кто выжил после Адрасского мятежа.

– Уходите...

Отец произнес это, не оборачиваясь, спиной почуяв семью, в страхе замершую на пороге. Голос его напоминал рычание медведя, глаза, не отрываясь, следили за тенями во мгле.

– Ну же! В лес!

Они послушались. На бегу Краш оглянулся, успев заметить: перед отцом выросла жуткая черная фигура. Существо передвигалось на двух ногах, но человеком оно не было! Отец наискось рубанул мечом, тварь с металлическим звоном отбила удар рукой и прыгнула на отца. Оба покатались на земле, и тьма извергла из себя...

Мальчик не разглядел – кого именно. Казалось, ночь вдруг ожила, ухватила его за шиворот и поволокла дальше. Где-то рядом заходила в плаче Нитта. Вскрикнула мать – крик перешел в задушенный хрип и смолк, словно матери заткнули рот кляпом. Или... При одной мысли об этом страшном «или» ноги грозили подломиться.

Дорогу к горам он запомнил плохо. Перед глазами все время стоял двор, освещенный пламенем, и отец, на которого прыгает двуногая тварь с железными руками. Их тащили к Шаннуранскому кряжу два дня. Вернее, две ночи. В деревне были уверены, что два дневных перехода воинам а'шури не одолеть: подземные жители не любят и плохо переносят солнечный свет. Даже в лунные ночи они стараются не показываться на поверхности. Так утверждали старейшина Тингам и знахарь Вахур. Одни верили им, другие считали, что никаких а'шури под горами Шаннурана нет и все это – детские сказки.

Деревня чувствовала себя в безопасности, и зря.

Лазутчики а'шури сумели отыскать дневное укрытие – брошенные алмазные копи. Там, отправившись в поход, они пересидели день и там же вместе с захваченными пленниками вновь переждали светлое время на обратном пути. Вроде бы днем а'шури убили и съели кого-то из людей, но сейчас Краш сомневался: правда это или помрачение рассудка? Наверное, разум мальчика так защищался от пережитого ужаса, отказываясь сохранять в памяти наиболее кошмарные моменты.

К исходу второй ночи, когда небо на востоке начало едва заметно сереть, они вошли в подгорный мир Шаннурана.

– Чш-ш-ш...

Краш очнулся от забытья, опять вынырнув из скорбной реки воспоминаний. На сей раз ему не послышалось: бархатный мрак лаза под потолком явственно звучал знакомым шелестом. Сердце дернулось зябликом, угодившим в силки, и забилося часто-часто. Накатил страх, но этому чувству было далеко до той волны дикого, животного ужаса, накрывшей мальчика, когда он впервые услышал шелестящие звуки. К страху примешивалось, почти заглушая его, возбуждение – болезненное и лихорадочное.

Можно сказать – предвкушение.

Звук нарастал. Он заполнил всю пещеру и теперь струился по стенам, проникая через уши, ставшие ненормально чуткими, прямоком в мозг, рождая завораживающие видения. Краш попятился к стене – не от страха, а чтобы дать место существу, двигавшемуся сейчас по лабиринтам Шаннуранских подземелий.

Черная Вдова была огромна. Появляясь в пещере, она занимала большую часть свободного пространства.

Обострившимся зрением мальчик различил слабое фосфорическое мерцание во тьме лаза – и через секунду в пещеру протиснулась голова Черной Вдовы. Гладкую, словно полированную голову, покрытую шипами и наростами, всю в плавных изгибах мерцающих линий, сразу за желтыми глазами обрамлял венчик подвижных щупальцев. Щупальца колыхались, как водоросли в воде. Тварь слегка приоткрыла узкую пасть, обнажив ряды острых и загнутых зубов – не белых или желтоватых, как у известных Крашу зверей, а багрово-красных, с влажным отливом. Зубы чудовища, казалось, обильно кровоточили.

Черная Вдова улыбалась пленнику.

Зачарованный этим зрелищем, мальчик не сообразил, что без труда различает цвета в кромешной тьме. Зрение становилось все острее. Или на него так действовало присутствие хозяйки Шаннурана? Впервые Крашу пришло в голову, что Черная Вдова по-своему красива. Красота мира, ушедшего в небытие, прелесть давно минувших эпох – человек воспринимал ее как уродство, способное кого угодно свести с ума.

Чуть помедлив, Черная Вдова начала протискиваться в темницу целиком. Гибкое тело искрилось крошечными блестками; оно лилось струей лунного света, просеянного сквозь решето облаков, перетекая из лабиринта тоннелей в пещеру. Вот стала видна первая пара лап, шестипалых и когтистых, с неестественно цепкими и длинными, почти человеческими пальцами; вторая пара... третья...

Смертоносный хвост плетью обжег стену, сворачиваясь в тугой клубок, чтобы случайно не задеть мальчишку. Черная Вдова оказалась рядом. Краш чувствовал на лице спокойное, прохладное и отнюдь не смрадное дыхание твари. Всякий раз он ждал жаркого зловония – и всякий раз удивлялся, не ощутив его.

Мускус и тлен.

Запах, которым тянуло из лаза под потолком.

Никто не смог бы сказать, была ли Черная Вдова, реликт далеких эонов, по-настоящему живой с точки зрения теперешнего мира.

Влажный раздвоенный язык коснулся лица Краша, слизывая грязь и пот, затем скользнул ниже: шея, грудь, живот... Мальчик без лишней спешки поворачивался, давая Черной Вдове возможность облизать пленника с ног до головы. Если бы пару месяцев назад кто-нибудь сказал, что ему придется мыться подобным образом – он бы счел, что собеседник рехнулся. Впрочем, еще вопрос: насколько сохранял здравый рассудок сам Краш, подставляя тело ласкам «вдовьего» языка?

Закончив «омовение», Черная Вдова отстранилась. На Краша в упор глянул круглый, светящийся медовой желтизной глаз. Взгляд древнего существа звал поддаться и раствориться без остатка в потаенных глубинах чудовищного тела и разума. Провал зрачка пульсировал смоляной кляксой, неуловимо меняя форму. В темной пучине клубился рой бриллиантовых пылинок, исчезающе малых огоньков – словно там были скрыты тайны Вселенной, затягивающие чужую душу в омут...

Невероятным усилием Краш опустил глаза, уставясь в пол, – как раз в тот момент, когда Черная Вдова вдруг мигнула, обрывая наваждение.

«Она поняла! – сообразил мальчик. – Поняла, что я не выдержу ее взгляда...»

Похоже, тварь испытывала к узнику привязанность сродни материнской. Но страшней всего было другое – кажется, узник постепенно начинал отвечать ей взаимностью!

Слипшиеся после «омовения» волосы на голове Краша встали дыбом. Нет, только не это! Он согласен терпеть ласки Черной Вдовы, питаться млечным соком, раз уж ничего другого ему не осталось, – но любить монстра-людоеда?! Ни за что! Он человек, он не способен на такую любовь!

Мальчик попытался вызвать в памяти образ своей матери, которой не видел с момента нападения на деревню. Но тело твари придвинулось, окружило, прижимая его к себе, – и образ, не оформившись до конца, безмолвно канул в небытие.

Наступило время кормления.

Гладкие аспидно-черные чешуйки на брюхе Черной Вдовы встопорщились, раздвигаясь и щекоча тело Краша. Меж ними выдвинулись десятки плотных мясистых бугорков. Краш медлил, хотя голод и жажда резко усилились. Инстинктивно он старался оттянуть главный момент, но знал, что не выдержит – рано или поздно припадет губами к одному из сосцов.

С третьего или четвертого раза тварь, объявляясь в пещере, сумела дать понять узнику, что от него требуется. Голод, ставший к тому времени нестерпимым, и напор чужой воли толкнули Краша на этот безумный шаг. Его едва не стошнило от омерзения. Он сумел сделать лишь пять-шесть глотков – и Черная Вдова, почуяв состояние «приемыша», быстро убралась из темницы.

В следующие разы было легче.

А теперь Краш с нетерпением ждал очередного визита Черной Вдовы. Вязкий и кислотерпкий «млечный сок» до сих пор вызывал у него рвотные позывы при первом глотке, но мальчик легко подавлял их, продолжая сосать. Вскоре он отваливался от брюха твари, как сытая пиявка, глаза начинали слипаться, и Краш уже не видел, как хозяйка Шаннурана покидает пещеру.

Что ж, это кормление не стало исключением.

...Пленникам дали ненадолго забыться беспокойным сном. Вскоре Краш ощутил, что его куда-то волокут по черным тоннелям, в непроглядной липкой темноте. Он не вполне понимал: сон это или явь? Оставались глаза открытыми или нет, окружающий мрак ничуть не изменялся.

Скоро впереди замерцал призрачный зеленоватый свет, и процессия живым ручейком влилась в опрокинутую чашу подземного зала.

Колоссальный купол терялся в вышине. Трудно сказать, был ли зал, потрясающий воображение, творением одной Природы, или здесь поработали человеческие (а, возможно, и нече-

ловеческие!) руки. Сталактиты и сталагмиты торчали клыками Левиафана, истекая звонкой каплей. Кое-где они срослись в причудливые колонны, соединив пол и потолок. Стены во многих местах покрывала губчатая масса, напоминая плесень, разросшуюся в теплом и влажном климате.

Холодные сполохи бродили по стенам, образуя над головами перламутровое облако. В его отблесках а'шури, собравшиеся в зале, походили на толпу восставших из гроба мертвецов – почти нагие, приземистые, коренастые, с бледными, исполненными сладострастного ожидания лицами. Похоже, гнилостное мерцание плесени являлось единственным светом, который легко выносили их глаза, привыкшие к кромешной тьме.

Слитное дыхание толпы служило фоном для музыки, ритмичной и заунывной. Низкие, утробные звуки и тягучий ритм заставляли внутренности нервно вибрировать. Краш не сразу увидел в руках у ближайших а'шури тугие меховые бурдюки, откуда торчали короткие и толстые трубки. В первый миг он решил, что это какие-то животные. Его передернуло от отвращения: а'шури время от времени подносили «животных» ко рту и дули в них!

А трубки гнусаво ныли в ответ.

Пленников, шестерых взрослых и полторы дюжины детей от пяти до двенадцати лет, подвели к треугольному алтарю в центре зала. Их выстроили вдоль сторон каменного треугольника, испещренного загадочными рунами: взрослых – отдельно, детей помладше – отдельно, и наконец – тех, кто постарше.

В этой группе Краш оказался вторым с краю.

Рокот мохнатых инструментов усилился. Плесень на стенах вспыхнула ярче, и сильный, неожиданно глубокий голос затянул:

– Х'орбар фузган!

– А'шур ниган! – хором откликнулась толпа.

– Х'орбар фузган!

– А'шур ниган!..

Во мраке одного из тоннелей, выходящих в пещеру, что-то шевельнулось. Вглядываясь в извивающуюся темноту, Краш мельком отметил, что а'шури избегают толпиться у этого тоннеля. От него к алтарю вел широкий проход, освобожденный толпой.

Мигом позже тоннель вспучился расцветающим черным лотосом, рождая из себя создание, какого Краш не видел даже в самых кошмарных снах. Шестилапый гигант, длиной не менее тридцати локтей, извиваясь всем телом, двинулся к алтарю. Вокруг головы чудовища покачивался венчик жадно извивающихся щупальцев; хвост разделялся на семь змеевидных отростков, каждый из которых оканчивался смертоносным жалом, на манер скорпионьего; в пасти влажно блестели кроваво-красные клыки. Тварь не спешила, растягивая удовольствие, наслаждаясь беспомощностью застывших у алтаря жертв.

Никто из людей не мог двинуться с места или закричать – пленников парализовало страхом, а может быть, гипнотическим взглядом демона преисподней.

– Х'орбар фузган! – возликовала толпа.

Не в силах отвернуться, закричать, убежать, Краш закрыл глаза, чтобы не сойти с ума. Дальнейшее он мог только слышать. Кажется, у остальных не хватило сил даже на это.

Завораживающий шелест чешуи, вкрадчивый скрежет когтей по камню пола. Смолкла терзающая нутро музыка, но тишина не принесла облегчения. Мальчик ощущал тварь совсем рядом; тело, покрывшееся «гусиной кожей», сотрясал произвольный озноб.

Сдавленный, полузадушенный крик – и следом всхлип, короткий и влажный. Не думать, не пытаться даже представить, что означают эти звуки! Гул толпы...

Мокрый и гибкий хлыст коснулся груди – ошупывая, примеряясь. Краш перестал дышать, желая притвориться мертвым и понимая всю бесполезность своих усилий. Тварь мед-

лила. Мальчик представил, как она не спеша разевает пасть, готовясь поглотить очередную жертву, – и сознание не выдержало.

Тьма под веками сменилась спасительным мраком беспамяත්ства.

Кажется, позже он пару раз ненадолго приходил в себя. Хозяйка Шаннурана исчезла, вместе с ней исчезли и остальные пленники. А над ним, Крашем, творили некий обряд – изощренный и причудливый. Седой колдун-а'шури, распластав мальчика на алтаре, покрывал его грудь и живот тайными письменами, читая нараспев заклинания. Гудели, исторгая вибрирующие звуки, меховые инструменты с трубками; в такт им вспыхивали и гасли светящиеся пятна плесени на стенах. Десятки горящих глаз окружали Краша, смрадно-приторный дым проникал в ноздри, туманя разум, – и вновь смыкались края уютной бездны обморока...

Разбудил Краша знакомый скрежет двери. Спал он вроде бы недолго и был все еще сыт «млечным соком», которого насосался вволю. Тюремщик объявился слишком рано. Что-то случилось? Любое, самое незначительное происшествие волшебным образом превращалось для мальчика в настоящее событие, нарушая унылое однообразие дней, проходящих в вечной тьме.

Задержавшись в проеме, тюремщик внимательно оглядел пещеру. По пленнику он лишь скользнул беглым взглядом. Кажется, а'шури ожидал увидеть здесь...

Что?

Вряд ли тюремщик смог бы дать четкий ответ на этот вопрос. А спустя мгновение отвечать стало некому. А'шури вдруг икнул, замер, разевая рот, – и оттуда плеснула черно-багровая, блестящая кровь. Страж булькнул и мягко осел на пол. Сразу после этого в глаза Крашу ударил ослепительный свет. Он инстинктивно зажмурился, прикрыв для верности глаза руками, но все же успел запечатлеть в памяти совершенно невероятную, невозможную для подземелий Шаннурана картину.

Над мертвым тюремщиком склонился человек. Правой рукой гость извлекал кинжал, наполовину вошедший в затылок а'шури, а левой доставал из-под плаща, плотного и черного, фонарь.

Внутри фонаря пылала масляная лампада.

Этого просто не могло быть! Он все еще спит! Обычный человек не в силах пробраться тайком в самое сердце Шаннурана, проскользнуть мимо стражников, видящих в темноте, обмануть Черную Вдову...

– Проклятье! – выругался пришелец из сна, обтерев кинжал о набедренную повязку убитого. Он приподнял фонарь повыше. – Клянусь рогами Сату-Пшат! Здесь тоже ничего...

Краш неуверенно встал.

– Гляди-ка ты! – хмыкнул высокий. – Находка! Ладно, пошли... Не оставлять же тебя здесь? Только тихо!

Краш судорожно кивнул и двинулся за пришельцем в сторону памятных ступеней. Лишь сейчас до него начало доходить, что он наконец свободен.

Свободен!

Радость от осознания этого замечательного факта почему-то оказалась тусклой, неубедительной. Обругав себя за тупость, Краш догнал спасителя и робко тронул за край плаща.

– Нам не туда! – шепнул он. Гортань за время долгого молчания успела отвыкнуть от речи, как глаза – от света. Слова, произносимые с усилием, звучали странно и непривычно. – Этот путь ведет вниз, в подземелья!

– Знаю, – ответил спаситель, не оборачиваясь. – Но я уйду отсюда с Оком Митры или останусь здесь навсегда! Держись рядом, малыш. Ты не знаешь, где эти могильные черви прячут главные сокровища?

– Не-а, – помотал головой Краш. – Наверное, где-то внизу...

– Я бы на их месте поступил так же, – удовлетворенно кивнул русоволосый, продолжая спускаться по ступенькам.

Краш старался не отставать. На ходу он, мало-помалу свыкнувшись со светом фонаря, рассматривал своего спасителя. Высокий, широкоплечий, длинные волосы стянуты узким кожаным ремешком. Когда мужчина пару раз останавливался, озираясь, можно было разглядеть волевое лицо с высокими скулами. Под плащом незнакомца обнаружилась длинная льняная туника, доходившая до середины бедер и туго подпоясанная ремнем. За ремень были заткнуты три кинжала: длинный и два коротких. На одном боку висел тяжелый меч в потертых ножнах, на другом – тыква-долбленка с водой. Незнакомец производил впечатление человека решительного, бывалого и уверенного в себе.

Рядом с ним Краш чувствовал себя в безопасности.

Неожиданно мальчик услышал шаги неподалеку – движение воздуха, эхо едва различимого звука, тихое сотрясение камня под ногами. Он быстро взглянул на спасителя, но тот, похоже, ничего не заметил.

– Сюда идут а'шури. По-моему, шестеро. Ты их убьешь? Или мы спрячемся?

Незнакомец ни на миг не усомнился в сказанном. Качнув фонарем из стороны в сторону, он углядел тесный проход слева и ловко скользнул туда, пряча фонарь под плащ. Краш, щурясь, последовал за спасителем. После яркого света требовалось время, чтобы восстановить «темное зрение».

Присев в расщелине на корточки, мужчина укрылся плащом с головой, подоткнув края так, что ни единый лучик не пробивался наружу. Он слился с камнем и застыл в полной неподвижности. Краш скорчился рядом, осторожно выглядывая из-за плеча.

Когда шестерка а'шури гуськом прошла мимо и шаги их стихли в глубинах тоннелей, мужчина высунул голову из-под плаща, подмигнул спутнику и, как ни в чем не бывало, продолжил спуск в недра Шаннурана. Краш вспомнил, что незнакомец, уходя, закрыл вход в его темницу, задвинув плиту на место. Мальчик оценил предусмотрительность спасителя: так подгорные жители не сразу заподозрят побег.

Ступени закончились неожиданно. Масленные блики фонаря мазнули по гранитной плите, сестре-близняшке той, что охраняла тюрьму Краша. Мужчина внимательно осмотрел плиту, усмехнулся и нажал на малозаметный выступ в стене. Плита с тихим скрежетом убралась прочь, открывая проем.

Обнажив меч, незнакомец посветил внутрь.

– Сколько ж вас тут... – с разочарованием буркнул он.

Эта пещера оказалась совсем маленькой: пять шагов в длину и три в ширину. В углу, прикованный к стене толстыми, лоснящимися в свете фонаря цепями, скорчившись, сидел старик, облаченный в грязное рубище. Космы седых волос, сваявшись в сальные колтуны, падали ему на лицо. Когда старик поднял голову, щурясь от света, как до того – Краш, стало видно, что рот пленника зашит суровыми нитками.

– Колдун, – уверенно заявил русоволосый.

Как он сумел с первого взгляда сделать подобный вывод, осталось для мальчика тайной. С виду – старик как старик...

– Руки сковали и рот зашили, чтоб не мог творить заклинания, – пояснил спаситель в ответ на невысказанный вопрос и обратился к пленнику: – Думаю, у тебя есть немалый счет к подземным убудкам. Если я тебя освобожу – поможешь мне?

Старик кивнул.

– Отлично. Хороший колдун всегда кстати. Конечно, если он на твоей стороне...

Мальчик хорошо запомнил эти слова. А незнакомец извлек из-за пояса короткий, бритвенно-острый кинжал и рассек им нити, стягивающие губы пленника, с ловкостью опытного хирурга. Колдун глубоко вздохнул, глаза его разом прояснились.

– Симон Остихарос, маг из Равии, – представился старик тихим, неожиданно ясным голосом, слизнув с губы капельку крови. – Можешь звать меня колдуном, мне все равно. Кто ты, воин?

– Меня зовут Вульм, – сообщить что-то еще мужчина не счел нужным. – Сам освободишься или тебе помочь?

– Сам. Она приходит пить мою силу... Но у меня в жилах еще осталась толика огня!

Краш понял, о ком говорит Симон.

– О-о, вы пожалеете! – в предвкушении прошептал маг. – А'шури, дети геенны, гнилая плесень, вы стократ пожалеете о том, что посягнули на Остихароса Пламенного!

Глаза его сделались пронзительно-синими, как небо, очистившееся после дождя. С изранных губ сорвались несколько слов, зашипев во тьме пещеры, будто слюна на огне:

– Аршшах г'хар! Иль-ферра-оро рубиго суджш!

Краш охнул от изумления: блестящий металл кандалов, сковывавших запястья и лодыжки мага, покрылся густой ржавчиной. Мигом позже цепи прогнили насквозь и прахом осыпались на пол пещеры. Колдун медленно, с усилием поднялся, громко хрустнув коленями, и принялся бормотать очередное заклятие – видимо, восстанавливал телесные силы.

– Славная шутка, – одобрительно кивнул Вульм. – Я в тебе не ошибся, Симон. Может быть, ты знаешь, где эти исчадия прячут Око Митры?

– Око Митры? – маг перестал бормотать и с интересом поглядел на спасителя. – Да, оно стоит того, чтобы рисковать головой. Нет, воин, я не знаю, где пасынки Черной Вдовы прячут свое сокровище. Не знаю, но предполагаю.

– Тебе известна дорога туда? Покажешь?

– Неизвестна. А показать – покажу, – туманно ответил старик.

Вздвогнув, мальчик заметил, что вокруг губ мага не осталось никаких следов от ниток. Морщинистое лицо Симона отчасти разгладилось, он выглядел уже не таким дряхлым старцем, как пару минут назад.

– Тогда не будем зря тратить время.

Старик, мужчина и мальчик двинулись по лабиринту Шаннурана, все глубже погружаясь в недра земли. Коридоры и тоннели ветвились, пересекались, неуклонно ведя вниз. Иногда слух людей улавливал хлопанье перепончатых крыльев, адский хохот, летевший словно из самой преисподней, мокрое шлепанье ног, скрежет когтей по камню или отдаленный плеск подземной реки. Симон шел впереди, уверенно ведя спутников. Они ни разу не уперлись в тупик, не попали в засаду и не встретились ни с кем из существ, обитавших во мраке.

Внезапно Вульм остановился, с сомнением глянул в спину мага и хмуро бросил:

– Не лучше ли было свернуть направо?

– Можно и направо, – покладисто согласился Симон. – Там нас ждут гостеприимные объятия таких тварей, о которых тебе лучше и не знать. Твой меч и моя магия для них – лакомый кусочек. Мальчишка, пожалуй, сумел бы удрать, и то вряд ли... Да, забыл сказать: мы уже пришли. Я чую – Око рядом.

Остаток пути они проделали в молчании.

Скоро тоннель окончился тупиком, упершись в стену с вырезанным на ней изображением: двуглавый и четырехрукий демон терзает когтистыми лапами человека, корчащегося от боли. Ниже шли глубоко вырубленные знаки, от одного вида которых у Краша начал мутиться разум, и он поспешно отвернулся.

– Письмена Ушедших, – констатировал старик. – Не смотрите на них, если хотите остаться в своем уме.

– А ты? – Вульм благоразумно отвернулся от знаков.

– Я умею смотреть и не видеть. Я умею видеть и не смотреть. Я – маг.

– Ты в состоянии их прочесть?

– Никто в мире не может прочесть письма Ушедших. Многие пытались: мудрецы вовремя отступились, глупцы впали в безумие, а храбрецы сгнули без следа. Возможно, храбрецы ближе других подошли к разгадке, и за ними явились.

– А открыть дверь в стене?

– Еще ребенком я рушил стены вдесятеро толще этой. Не бойся, воин, здесь нет ловушек. Опасность таится внутри. Будь осторожен.

– Я всегда осторожен, колдун. Потому и жив до сих пор. Не забывай, это я вытащил тебя из каменной могилы, а не ты – меня. Действуй!

– Хорошо. Зажмурьтесь, чтобы не ослепнуть.

Краш послушался, но даже сквозь плотно закрытые веки ощутил ярчайшую беззвучную вспышку. После нее фонарь Вульма казался искоркой, тусклой и испуганной, готовой угаснуть в любую секунду. Когда мальчик открыл глаза, стены не было. Ни осколков, ни пыли, ни ребристых обломков – ничего. Стена исчезла, открыв проход.

Казалось, ее унес высеченный на камне демон.

Но сам демон улетел недалеко – в открывшейся взгляду пещере мерцало багровое зарево, освещая огромную статую, двуглавую и четырехрукую, с чудовищно искаженными пропорциями. У ног статуи покоились два малых изваяния, изображавшие вполне милых девушек, окаменевших от ужаса. На лбу той, что была постарше, и чьи черты, в отличие от печальной одухотворенности лица младшей, хранили странную отрешенность, играл кровавый отблеск.

– Клянусь копытами Даргата! Око Митры!

– Остерегись, Вульм! Не произноси всуе Имен и Прозвищ! – бывает, демоны являются, когда их зовут по имени.

– Милости просим! Ему тут найдется чем заняться. Вцепится в глотку какому-нибудь местному отродью – то-то будет потеха! А мы под шумок унесем ноги с добычей.

Сжимая в руке обнаженный меч и подсвечивая себе фонарем, Вульм решительно шагнул в пещеру. Краш последовал за ним; маг же задержался на пороге, с подозрением осматриваясь.

Кроме трех статуй, внутри не обнаружилось ничего примечательного, за исключением сундука, покрытого толстым слоем пыли – он стоял сбоку от демона. Око Митры, которым так желал завладеть Вульм, при ближайшем рассмотрении оказалось диадемой белого золота с пурпурным карбункулом невероятной величины.

Диадема венчала лоб старшей из девушек.

Но прежде чем снять украшение, воин, мгновение поколебавшись, направился к сундуку. Острием меча он ловко поддел крышку. Та с глухим стуком откинулась, подняв целое облако пыли. В свете фонаря призывно заискрилась гряда драгоценностей: рубины и изумруды, топазы и черные опалы, цепи и браслеты из золота, жемчужные ожерелья...

– Бери, сколько унесешь, и уходим, – дал совет Вульму маг. – Око Митры лучше не трогай. Я знаю этого демона. И не хочу здесь задерживаться ни на минуту...

– Это всего лишь статуя, – презрительно сплюнул воин. – Но ты прав, сундучок мне по сердцу. Око – Оком, а яркие камешки везде в цене. Эй, малец, держи! Я не жадный...

К ногам Краша, глухо звякнув, упал кривой восточный кинжал без ножен. Рукоять его была украшена золотом и самоцветами. Вульм рассмеялся, глядя, как мальчик берет оружие, извлек из-под плаща кожаную торбу, набил ее драгоценностями под завязку и пристроил у себя на плече.

– Ну а теперь...

– Уходите отсюда, чужеземцы.

Краш обернулся и едва не выронил кинжал от испуга. Статуи девушек ожили, и та, что носила Око Митры, заговорила.

– Или вы хотите навлечь на себя гнев нашего повелителя?

– Послушайся ее, Вульм!

– Ну уж нет! Не за тем я столько плутал под землей... – Вульм оценивающе глянул на девушек. – Эй, красавицы! У меня есть другое предложение: уйдем вместе! Неужто вам не надоело пылиться в тишине? Мы уйдем, а вы небось опять окаменеете – и проваливаетесь тут еще тыщу лет, пока не растрескаетесь и не развалитесь от старости. Эй, колдун! На них лежит какое-то заклятие?

– Ты прав. Думаю, его должен снять солнечный свет. Если быстро вывести их на поверхность...

– Решайтесь, красавицы! Предлагаю только один раз.

– Не смей искушать Избранниц! – Глаза старшей девушки сверкнули гневом, а волосы на голове зашевелились, напомнив кубло змей. – Прочь, глупцы!

Краш осторожно попятился к выходу. В голосе старшей ему почудился знакомый шелест и скрежет когтей по камню.

– Я! Я пойду с тобой, чужеземец! Хвала Митре...

– Замолчи, несчастная! Как можешь ты...

– Могу! – яростно топнула ногой младшая. – Оставайся здесь, среди мерзких тварей, и служи своему демону! Ты сама уже почти демон, Налла! А я – человек! Я мечтала вырваться на свободу все эти годы!

Вскочив, она подбежала к Вульму, схватила его за руку и благодарно прижалась щекой к ладони воина.

– Я хочу быть живой! Живой!

– А будешь мертвой! – завизжала Налла. – Он принесет тебе смерть, Лона! Наш повелитель...

– Смерть? Пусть! Лучше гнить наверху, чем каменеть здесь...

– Плюнь на нее, дорогая. Ее судьба – пылиться в этом склепе, – усмехнулся Вульм. – А мы с тобой будем счастливы под ясным солнцем. Только сперва твоя шумная подружка отдаст то, за чем я пришел.

Отстранив Лону, он протянул руку к Оку Митры.

– Прочь, смертный!

Налла отступила. Ее пальцы скрючились, и у Краша создалось впечатление, что ногти на них, изящные девичьи ноготки, начали расти и чернеть.

– Не надо!

– Вульм! Не прикасайся к Оку!

Но было поздно. Воин грубо сорвал диадему с головы старшей девушки. В следующий миг лицо Наллы страшно исказилось, теряя всякое сходство с человеческим. Горло твари, в которую стремительно превращалась девушка, исторгло тошнотворный, пронзительный вопль. От него у Краша заложило уши и помутилось в голове. То же было с мальчиком, когда он имел неосторожность взглянуть на письма Ушедших.

Передняя лапа твари метнулась вперед, острые когти полоснули по лицу Вульма. Налла метила в глаза, но воин отшатнулся, и когти лишь оцарапали скулу, оставив кровавые борозды.

– Отродье Бела! – взревел Вульм.

Его меч хищно присвистнул, фонтаном ударила темная кровь – и голова Наллы покатила по полу. С полминуты безголовое тело стояло, раскачиваясь, а затем рухнуло к ногам демона-покровителя, пятная багряным соком ноги каменного монстра.

– Бежим!

Маг снова опоздал. Стены и пол содрогнулись в конвульсиях, с потолка посыпалась жесткая крошка. Огромная статуя качнулась и шагнула вперед, протягивая уродливые лапы к Вульму. Воин отпрыгнул с проворством дикого зверя, тусклой молнией сверкнул меч. Любому созданию из плоти и крови удар, в который Вульм вложил всю свою силу и умение, отсек бы конечность напрочь. Однако демон лишь на миг остановился, словно в удивлении – и вновь двинулся на Вульма.

На нижней правой руке статуи появилась крохотная зарубка.

– Клинком его не взять, – с ледяным спокойствием сообщил маг от дверей. – Бегство нас тоже не спасет. Лабиринты Шаннурана для детей Сатт-Шеола – дом родной. Что ж, самое время проверить, сколько огня осталось в моих жилах...

Не закончив фразу, Симон Остихарос выпрямился. Казалось, он стал выше ростом. Глаза старика сделались знакомого, пронзительно-голубого цвета. Худое, изможденное тело мага засветилось изнутри холодным огнем, явственно видимым сквозь кожу и ветхое рубище. Руки пришли в движение, описывая в воздухе петли и дуги, плетя сложный, завораживающий узор.

Демон-хранитель, почуяв опасность, бросил преследовать Вульма и обернулся к Остихаросу.

– Узнаешь меня, Шебуб?! – голос мага звучал подобно грому, сотрясая стены пещеры не хуже поступи каменного чудовища. – Вижу, узнаешь. Это хорошо. Г'рахаш-та! Самхум но дасуд! Фан'ганг!

Руки Симона наконец соткали невидимое полотно – и жестом, с виду небрежным, бросили его на Шебуба, взывшего от ярости. Запутавшись в чарах, демон некоторое время молотил руками по воздуху, пытаясь сорвать покров, но тут Шебуба отшвырнуло назад, ударив спиной о стену. Та рука твари, где меч оставил зарубку, откололась и щебнем рассыпалась по полу. По левому бедру зазмеилась тонкая трещина.

Маг захохотал. Было видно, что заклинание далось ему большой кровью: по лицу обильно стекал пот, вновь стали заметны разгладившиеся было морщины, руки дрожали. Тем не менее смех вскоре перешел в бормотание: Остихарос Пламенный творил новое заклятие.

Сухие пальцы старика делали мелкие, трудно различимые движения, как если бы Симон выдергивал из пространства тайные нити и связывал их мудреными узлами. В ответ демон утробно зарокотал, подражая горному обвалу, с заметным усилием поднялся и двинулся на мага.

Глаза чудовища горели провалами в ад.

– Уходим, – тихо процедил сквозь зубы Вульм.

Не глядя, ибо взгляд его был прикован к демону, воин поймал за руку Лону, оцепеневшую от ужаса, и настойчиво потянул к выходу.

Как же так? – подумал Краш. Разве правильно будет бросить мага, оставив биться с Шебубом один на один?! Но, с другой стороны, чем Вульм способен помочь Симону, если сталь демона не берет? После недолгих колебаний мальчик побежал за Вульмом и Лоной, проскочив мимо Симона Остихароса. Таким он и запомнил старика: отрешенный взгляд, сосредоточенное, на удивление спокойное лицо, изборожденное шрамами морщин, и жилы на лбу, дико вздувшиеся от страшного напряжения.

За спиной раздалось змеиное шипение, быстро перейдя в пронзительный свист. Вновь зарокотал горный обвал. Звуки постепенно отдалялись, пока не затихли совсем. Краш жалел, что никогда не узнает, чем закончился поединок мага с ожившей статуей. Он искренне желал победы старику, но после знакомства с тайнами Шаннурана не питал особых иллюзий на исход боя, успешный для мага.

А если бы на месте Шебуба оказалась Черная Вдова? – вдруг пришло в голову мальчику. Кому бы он желал победы в этом случае?

Бежать обратно, вверх, после утомительного спуска было тяжело. Однако беглецы мчались что есть духу. Желтые блики фонаря метались по черным стенам тоннелей; эхо доносило крики, встревоженные и гневные, – а'шури наконец подняли тревогу. Но никто пока не преградил путь трем людям. Тайное чутье говорило Крашу, что они движутся верной дорогой, хотя он и сам бы не смог объяснить, откуда у него такая уверенность.

Вскоре Лона начала спотыкаться. Движения ее замедлились, сделались скованными и неуклюжими. Так двигалась бы статуя, ожившая не до конца.

– Подожди! Я больше не могу. Мне надо...

– Мы торопимся! – Вульм зло сверкнул на девушку глазами, но тем не менее сбавил шаг. – Мы должны выбраться на поверхность, пока эти черви не опомнились.

– Я... заклятие... – Губы Лоны дергались, слова давались ей с трудом. – Дай мне коснуться Ока Митры! Это вернет мне силы...

Вульм остановился и с нескрываемым подозрением уставился на девушку.

– Чтобы ты превратилась в такую же тварь, как твоя подружка?! Ха! Нашла простака!

– Я... я н-не стану... п-прош-шу теб-бя...

Вульм извлек из ножен меч, ясно давая понять, что при малейшем намеке на превращение Лону постигнет участь Наллы – и протянул диадему камнем вперед. Он старался не слишком приближаться к девушке, в то же время находясь на расстоянии достаточном, чтобы пустить в дело меч. Краш оценил предусмотрительность воина. Действительно, с этими древними заклятиями можно ожидать любого подвоха!

Неимоверным усилием Лоне удалось поднять руку, и ее пальцы легли на пурпурный карбункул. Камень затеплился неожиданно мягким, успокаивающим светом. По телу девушки прошла дрожь, она глубоко вздохнула, словно пробуждаясь ото сна, и с явным сожалением опустила Око Митры.

– Спасибо, – улыбнулась она Вульму. – Ты еще раз спас меня.

– Тогда поспешим, – буркнул воин.

Он спрятал диадему под плащ, намереваясь продолжить путь.

– Проклятье!

Не успел растаять отзвук гневного вопля, как беглецов окружили а'шури, надвигаясь из боковых тоннелей. Неумолимое молчание обитателей Шаннурана, вооруженных широкими ножами, было страшней всего. Уж лучше бы они выкрикивали угрозы или оскорбления – люди, заставшие в своем доме воров, не должны молчать. Но а'шури и не были людьми в полном понимании слова: долгие века жизни в подземельях, бок о бок с Черной Вдовой и другими исчадиями мрака успели исказить самую сущность этой, когда-то человеческой расы.

А'шури не спешили нападать. Они с отвращением шурились, воротя головы от фонаря, и прикрывали глаза руками. Пожалуй, свет некоторое время мог удержать их на расстоянии, но это лишь оттягивало гибель чужаков.

– Ты привела меня в засаду! – прошипел Вульм, грубо хватая Лону за руку. – Но ты меня и выведешь!

Девушка изумленно взглянула на него, как бы спрашивая: «Что я должна делать?» Мужчина ничего не ответил, взмахнув фонарем, – и свет вдруг исчез, скрытый плотной тканью плаща. Упавшая тьма вскипела шевелением десятков тел – а'шури без промедления двинулись вперед.

Что он делает?! – ужаснулся Краш.

Как выяснилось, воин прекрасно знал, что делает. В следующий миг фонарь исполинским светляком вынырнул из-под плаща, ослепив подземных жителей и заставив их отшатнуться. Тут же Вульм с силой толкнул Лону в правый проход, где а'шури толпились особенно густо – и те, ослепленные, почуяв добычу, набросились на девушку, не разобрав, кто перед ними.

– Не надо! За что?! Помоги-и-и...

Крик захлебнулся. Но еще раньше Вульм прыгнул вперед, в центральный тоннель, воздев над головой фонарь и без устали работая мечом. Клинок в его руке превратился в размытый полукруг, сметая ножи, отсекая головы и руки, вспарывая животы. Рыча, как дикий зверь, покрытый кровью врагов, воин яростно прорубал себе дорогу.

Краш быстро сообразил, в чем состоит его единственный шанс на спасение, и бросился следом.

Впереди уже маячила свобода, когда за спиной Вульма тихо поднялся сбитый с ног а'шури. Он скользнул к губителю сородичей, занося нож для смертельного удара, – и в душе Краша что-то сорвалось. С отчаянным воплем мальчик бросился к шаннуранцу и всадил драгоценный кинжал, который, как оказалось, все это время сжимал в руке, в бок а'шури. Тот споткнулся, громко икнув; Краш рванул кинжал на себя, высвобождая клинок, из раны потоком хлынула кровь, заливая юному убийце грудь и живот, – и а'шури мешком осел на пол.

Вульм мельком глянул через плечо, кивнул с одобрением – молодец, парень! – и понесся прочь с невообразимой прытью. Краш припустил за ним, но догнать Вульма сумел лишь у памятных ступеней, что вели к бывшей темнице мальчика.

К счастью, преследователи отстали.

– Зачем? Ты? Ее?!

Дыхание сбилось. Речь превратилась в лай.

– Иначе не ушли бы. Ведьма! Поделом ей...

Двужильный воин, напротив, отвечал громко и ясно. Они карабкались по ступенькам – вверх, верх! К солнцу и свободе.

– Она. Жить! Хотела...

– Заткнись, сопляк. Молоко на губах не обсохло...

Краш невольно облизнулся, ощутив на языке вкус *молочного сока*. Знал бы Вульм, что за молоко сохнет у него на губах! И хорошо, что не знает, – небось зарубил бы и глазом не моргнул.

Просто на всякий случай.

Внезапно Краш ощутил слабое дуновение свежего воздуха, несущее забытые запахи разнотравья. Возник еще один запах, будоражаще знакомый: мускус, пот и тлен... Неужели ОНА где-то рядом?! Нет, запах похож, но не до конца...

Из бокового прохода им навстречу качнулась двуногая фигура, которая не могла, не имела права быть человеком. Безволосый, сужающийся сзади череп, желтые огни глаз, мелкие и острые зубы сверкают в пасти; странные пропорции тела, скользкие движения змеи... Это он! – понял мальчик. Тот, кто в ночь ожившего кошмара прыгнул на его отца, отбив удар меча железной рукой!

Отродье шаннуранских лабиринтов.

Вульм ударил на бегу, не останавливаясь, рассчитывая свалить противника одним ударом и проскочить мимо. Эхом прошлого лязгнул металл, мощный взмах лапы, бугрящейся чудовищными мышцами, отшвырнул воина назад. Существо стояло в проходе, загораживая дорогу. Черная лоснящаяся кожа, больше похожая на чешую, покрывала мощный, естественно гибкий торс; длинные лапы свисали до колен, блестя коваными наручами.

Так вот чем тварь отбивала клинки!

Вульм вскочил, превратясь в бешеный вихрь, в живую молнию, но уродливый страж был подобен скале, и воин снова оказался на полу. Падая, он двумя руками подхватил мальчика и с неправдоподобной легкостью бросил в объятия монстра. Чудовище на лету перехватило живое ядро, взмахнуло когтистой лапой; Краш, визжа, попытался ткнуть врага кинжалом...

Время застыло.

Лапа медлила опуститься на беззащитную голову. Кинжал остановился, словно застряв на полпути. Дергая ноздрями, существо принюхивалось, и мальчик делал то же самое, бледнея от острого, как нож, прозрения. Братья. Они – братья, старший и младший. *Молочные братья*. Приемные сыновья Черной Вдовы, стражи Шаннурана.

В отличие от а'шури – всего лишь пасынков.

Страж бережно опустил мальчика на пол – и лезвие Вульмова меча без промедления вспорол бок чудовища. Метнулся по тоннелю удаляющийся сполох фонаря; упала темнота, которая, однако, не была помехой обоим братьям.

«Это тебе за отца», – подумал Краш, не ощутив ни радости, ни удовлетворения от мести, свершившейся чужими руками. Лишь слабый отголосок сожаления гас в темной глубине души. Тварь кивнула, как если бы подслушала его мысли, опустилась на четвереньки, зажимая рану в боку, и быстро уползла прочь, вслед за скрывшимся во мраке Вульмом.

Краш тупо пошел следом.

Когда воздух в тоннеле совсем посвежел, а темнота уступила место серой мгле, он споткнулся о труп молочного брата. От трупа вела прочь редкая кровавая дорожка – похоже, Вульм тоже был ранен. Краш постоял с минуту над убитым и двинулся дальше. По дороге он, сам не зная зачем, подобрал два крупных рубина и золотую цепочку, выпавшие из торбы Вульма.

А потом подземелья Шаннурана закончились.

Огромное солнце клонилось к закату, бросая последние золотисто-алые лучи на рощи и холмы. От деревьев долетал птичий гомон. Краш заметил удаляющуюся фигурку человека в ложбине между двумя дальними холмами. Человек сильно хромал, но продолжал идти с упрямством раненого хищника. Ночь обещала быть звездной и ясной; вряд ли а'шури отважатся выбраться наружу – тем не менее Вульм предусмотрительно спешил обратиться подальше...

От горных пиков тянулись лиловые тени, делая зелень рощ темной и сумрачной. Краш медлил. Стоя на пороге миров, нижнего и верхнего, он перебирал свою память, как горсть монет.

«Бегите к лесу! Я их задержу!» – кричит отец.

«Узнаешь меня, Шебуб?!» – гремит голос мага.

«Смерть? Пусть!» – делает выбор Лона.

Трепещут ноздри молочного брата.

Они все были не правы, думал Краш. Все. Не правы. Прав был Вульм. Потому что они все мертвы, а Вульм уходит. Живой и с добычей. Но главное – живой. Добыча не стоит жизни. По крайней мере, *своей* жизни. Я тоже буду прав. Я вырасту таким, как он. А потом найду Вульма, который к тому времени состарится, и убью его.

Из ненависти? Нет.

Ненависть – удел слабых.

Просто Око Митры должно вернуться домой, во владения Матери.

Не оглядываясь, мальчик решительно направился прочь от входа в Шаннуран. Чтобы выжить, ему нужны вода, еда и крыша над головой. Сын Черной Вдовы был уверен, что найдет все это еще до рассвета.

Принц тварей

*Рекой кровавой плыл корабль-дракон,
По берегам – рычащие берлоги.
Я заходил в чугуинные чертоги,
Я знал объятья змеехвостых эсен.
Теперь же – осеклись во тьму дороги,
И я лучом рассвета озарен.*

Роберт Говард

Ночь мальчик провел в лесу, уютившись в развилке могучего дуба. Обидно было бы, чудом сбежав из подземелий Шаннурана, тут же стать добычей волков! «Главное – не упасть», – думал он, устраиваясь поудобней. Шершавая кора, впитавшая за день тепло солнца, была на ощупь куда приятнее влажного камня темницы. Мысли путались от усталости, веки слипались, и очень скоро Краш провалился в забытье.

Во сне его завертел водоворот событий минувшего дня. Каменные кишки лабиринтов, свет фонаря в руке Вульма, колдун с зашитыми губами; оживает статуя демона, пальцы сжимают рукоять кинжала, в лицо брызжет горячая кровь а'шури... Сквозь хаос видений в сон полз вкрадчивый, настойчивый шепот: «Око Митры... верни!.. возвращайся-а-а...»

Порождение бездны, реликт давно минувших эпох – Черная Вдова не желала отпускать приемного сына.

Он проснулся среди ночи. Дернулся, едва не свалившись с дерева, судорожно вцепился в толстый сук. Сердце колотилось в груди как бешеное. Крашу казалось, что стук его слышен на лиги вокруг. В чаще ухнул филин, в ответ издалека долетел рев неведомого хищника. Мальчик представил себе рысь, от которой не спасет ненадежное убежище. Лоб покрылся холодной испариной. Краш весь дрожал, и виной тому была не ночная прохлада.

Лес, погруженный во мрак, жил своей жизнью. Шептались деревья под ветром; звериная мелюзга шуршала внизу, торопливо перебегая от одного эфемерного укрытия к другому. Время от времени до Краша доносилось хлопанье крыльев, пронзительный крик птицы, и опять, заставляя дрожать от страха, – далекий рев хищника. Рядом, обвивая ветку, заструилась чешуйчатая лента. Краш замер, не дыша. Древесные змеи ядовиты, укусят – не протянешь и двух дюжин вдохов. Змея тоже замерла, уставясь на пришельца немигающим холодным взглядом. Потом стрельнула раздвоенным язычком и тихо скользнула прочь.

Краш перевел дух.

«Мне нечего бояться! – убеждал он себя. – Я остался жив в недрах Шаннурана! Я видел тварей, от которых в страхе бежали бы лучшие бойцы! Я пил *млечный сок* Черной Вдовы. У меня есть кинжал, которым я убил взрослого а'шури! Что мне жалкая плешивая рысь?»

Несмотря на все доводы, дрожь не унималась. Уши ловили каждый звук, каждый шорох. В конце концов он задремал, но сон его был чуток, и Краш не раз просыпался, хватаясь за кинжал. С первыми лучами солнца, разбитый и хмурый, он, до крови ободрав колени, сполз с дерева и побрел куда глаза глядят.

Глаза глядели на север. Надо найти Вульма, который оставил его умирать. Найти, убить и забрать Око Митры. Вульм – северянин, сразу видно. Значит, его следует искать на севере. О том, что ребенку не справиться с умелым воином, Краш не задумывался. Как и о том, что бродяга Вульм мог направиться куда угодно. Ах да, Краш ведь собирался найти могущественного волшебника и напроситься к нему в ученики – чтобы победить Вульма колдовством. Хорошая

идея, жаль от нее отказываться. На севере есть волшебники? Должны быть! Он вполне может вести поиски Вульма и подходящего волшебника одновременно.

Краш приободрился. Лес поредел, впереди возник крутой берег реки. По краю берега вилась укатанная дорога. Пробившись меж деревьями, лучи восходящего солнца больно резали глаза. У подарка Черной Вдовы – «темного зрения» – имелась обратная сторона. Выйти из леса Краш не спешил. Сень вязов и грабов хоть как-то спасала от слепящего света.

Есть хотелось все сильнее.

Тут ему повезло: отчаянно моргая, плача от рези под веками, он сослепу угодил прямиком в цепкие объятия ежевики. Колючки – это, конечно, зря, но спелые, иссиня-черные ягоды... Когда Краш выбрался из зарослей, весь перемазанный сладким соком, солнце уже припекало. При помощи кинжала мальчик соорудил пояс из лыка и берестяной туесок, куда сложил оброненные Вульмом драгоценности: два крупных рубина и золотую цепочку. Привесив туесок к поясу, он спустился к реке. Утолил жажду, умылся; смыл с клинка следы крови.

Сунув кинжал за пояс, Краш решил, что имеет вполне независимый и даже воинственный вид.

* * *

До трактира он добрался к вечеру, когда солнце коснулось снежной вершины Герагаса, короля западных гор. В животе урчало. Саднили сбитые ноги. «Надо обувку раздобыть», – в сотый раз твердил себе Краш. Но сначала – ужин! Золотая цепочка лучше денег. Хватит на ночлег, еду в дорогу, на замечательные мягкие сапоги из оленьей кожи, какие были у отца...

От воспоминания об отце зануло в груди. Отец погиб, защищая семью. Погиб без смысла и толку – их все равно схватили. Краш будет умнее. Он выжил в плену, а теперь выживет и подавно! Кстати, рубины стоит приберечь.

Пригодятся.

Дверь приземистого, похожего на жабу строения, сложенного из толстенных бревен, была гостеприимно распахнута – в первую очередь, чтобы выветривался чад. Крыша из теса поросла мхом, напоминая небритую щеку старца. Над трубой курился дымок. У коновязи жевали сено две лошади. Казалось, трактир стоит здесь испокон веков, от сотворения мира.

Тайком охая, Краш заковылял ко входу.

Низкий потолок затянуло копотью. К центральной балке хозяева подвесили колесо от телеги. На его ободе чадила полудюжина свечей. Но даже такая роскошь не привлекала в трактир толпы народу: два мрачных бородача в куртках из кожи, да тощий парень в углу. Бородачи смахивали на братьев-разбойников, а парень, хлебавший какое-то варево из глиняной миски, – на бродячего музыканта. Точно, вон и лютня у стены примостилась.

Трактирщик в засаленном фартуке встал на пути:

- Чего тебе, малец?
- Ужин! И переночевать.
- Деньги есть?
- Есть.
- Покажь.

Краш с опаской покосился на бородачей, но те пренебрегли мальчишкой. Тогда он сунул руку в туесок, нащупав цепочку. Золотые звенья масляно блеснули, когда цепочка явилась на свет.

- Золото? – спросил трактирщик, понизив голос.
- Ага!
- Спер, да? У кого?
- Мое, – с гордостью заявил Краш. – Я не вор.

– Дай гляну. Не фальшивая?

Выпускать цепочку из рук не хотелось. Но куда денешься? Заартачишься – трактирщик точно решит, что фальшивка, и прогонит взащей.

– Ты гляди... Настоящая. Чего за нее хочешь?

Краш принял старательно загибать пальцы:

– Ужин, ночлег, еды в дорогу... И сапоги!

– Идет, – без торговли согласился трактирщик, и Краш понял, что продешевил. – Садись, сейчас жрать принесу.

Цепочка исчезла – только Краш ее и видел! – зато угрюмое лицо трактирщика подобрело. На изрезанном ножами столе возникли две миски, с жарким и бобовой кашей, лепешка и здоровенная кружка пива. Пиво Крашу не понравилось. Он хотел спросить воды, но передумал. Он должен вести себя как взрослый. Сопляка, который даже пива не пьет, нигде не примут всерьез.

Не такое уж оно противное, это пиво.

Он сделал второй глоток, больше первого, и накиннулся на еду. Мясо... ыгх-х-х! – горячее! Вкусное – пальчики оближешь! Краш облизал. И каша... Давно он не ел по-человечески! Вкус лепешек, что пекла мама, забывать начал...

...мама!..

Он отхлебнул еще пива.

Миски пустели с пугающей быстротой. Кружка – ненамного медленней. Живот приятно отяжелел, голова сделалась звонкой, как бубен. Мысли в ней бродили самые радужные. Все будет хорошо. Он выучится на волшебника, отыщет гада Вульма... Может, мама до сих пор жива? Он вернет Черной Вдове драгоценное Око Митры, а за это а'шури отпустят маму...

Потянуло на двор: пиво просилось наружу.

Выбираясь из-за стола, он растянулся на полу. Устал, наверное. Ничего, облегчимся – и спать. Под крышей, как человек, а не какой-нибудь... какой-нибудь... а-а, не важно! На дворе стемнело, а «темное зрение» вдруг возьми и откажи. Тут видим, тут не видим. Нет, мы далеко не пойдем. Не дальше коновязи. По пути он три раза упал; поднимаясь, дивился собственной неуклюжести. Ага, дошел. Хорошо, что лошади смирные. Даст копытом – мало не покажется. Упершись рукой в столб, ощущая под ладонью сухую древесину, он с облегчением зажурчал. Что было потом, Краш не помнил. Хотел вернуться в трактир, это точно. Даже двинулся на манящий огонек. Но огонь отдалялся, пока не исчез.

Тьма сгустилась, и Краш увяз в ней.

* * *

...влажный раздвоенный язык коснулся лица, слизывая грязь и пот. Закончив, Черная Вдова отстранилась. На Краша в упор глянул круглый, светящийся медовой желтизной глаз. Провал зрачка пульсировал смоляной кляксой, меняя форму. В темной пучине клубился рой бриллиантовых пылинок – там были скрыты тайны Вселенной, затягивающие чужую душу в омут...

Очнулся он от поцелуев солнца. Застонал, заворочался, пытаясь спрятаться от жгучих лучей. Пламя сквозь сомкнутые веки проникало в мозг, и там бушевал пожар, выжигая Краша изнутри.

Где он? Что с ним?

Он открыл глаза – и с воплем зажмурился. От пляски багряных кругов накатила тошнота. С третьей попытки окружающий мир соизволил явиться бедняге. Краш лежал в придорожной канаве – по счастью, сухой в это время года. Приподнявшись, мальчик с усилием сел. Вон и

трактир, недалеко. Переночевал, называется, под крышей! Сволочное пиво! Ничего, сейчас он вернется, заберет обещанную еду, сапоги... Может, купить лошадь, чтоб зря не бить ноги? У него остались рубины...

Туесок на поясе был пуст, как скорлупа выеденного яйца. И кинжал пропал. Неужели, пока он спал, его ограбили?! Бородачи, больше некому. Или... Трактирщик! Подмешал дурману в пиво, обобрал доверчивого гостя и бросил в канаве. Сунешься обратно – рассмеется в лицо. Знать не знаю, видеть не видел! Сапоги? Какие сапоги?! Пойди проспись, дурила!

Станешь упорствовать – избыет, чтоб не докучал.

С трудом Краш поднялся на ноги. Кулаки, вместо того чтобы лупить в кровь гада-трактирщика, размазывали по лицу слезы – бессильные, злые. Прихрамывая, мальчик заковылял прочь от злополучного трактира.

Он брел на север.

...Городов Краш боялся, обходя стороной. Питался чем придется: ягодами, грибами, дикими сливами, орехами, корнями «земляной груши», встречавшейся в изобилии. Однажды придушил кролика, запутавшегося в чужом силке. Орудя острым камнем, глотал сырое мясо – давясь, кашляя, боясь, что объявится ловец. Потом сутки маялся животом. К кореньям попрыгивал, а вот свежатины пошла не впрок. К вечеру сворачивал с тракта, ночуя в лесу или роще. Спал на деревьях, но с закатом начало подмораживать, и, проведя две ночи без сна, дрожа от холода, Краш плюнул на страх перед волками. В ворохе багряно-золотых листьев, пахнущих терпкой горечью, спалось не в пример теплее. Главное, соорудить «ложе» из толстого слоя сухой коры – иначе земля, словно упырь, все тепло из тела высосет.

Хорошо ночевалось в стогу. Жаль, стога попадались редко.

Зарядили дожди – промозглые, унылые, как похороны. Дорога раскисла, в самой густой чаще даже мышь не нашла бы сухого уголка. С «подножным кормом» стало худо. В деревнях на мальчика косились, мягко говоря, без приязни. В дом не пускали, изредка разрешали спрятаться в хлеву или в сарае-развалюхе с прохудившейся крышей. Подавали скудно, швыряя жалкие объедки. Чаще без затей гнали прочь. Местная ребятня улюлюкала вслед, бросала в спину камни и комья грязи. Лишь собаки, как ни странно, не трогали Краша – облаивали, но близко не подходили.

«Надо идти в город, – вздыхал Краш, через шаг оскальзываясь на жухлой траве. – Маги в городах живут. Отец рассказывал. Только...»

Дальше мысли сворачивали в накатанную колею. Кто возьмет в ученики вонючего оборванца, худого, как скелет, с колтунами в волосах? Могучий волшебник такого на порог не пустит! Чтобы глянуться магу, надо *подобающе* выглядеть. Отец очень любил это слово: «*подобающе*». Нужна приличная одежда. Да где ж ее взять – приличную? Тряпьем бы разжиться, чтоб не околеть от холода! Украсть? Поймают – избыют до полусмерти, правую руку топором отрубят. Или в темницу бросят. В темницу – оно бы и неплохо. Крыша над головой. Кормят... К темноте он привычный. Сиживали, знаем. Черная Вдова о нем заботилась, поила *млечным соком*, вылизывала. А люди – хуже тварей! Опоили, ограбили, вышвырнули в канаву.

Гонят, бьют, морят голодом...

На одежду можно заработать. Будь он взрослым мужчиной... А так – зима на носу, кому нужен лишний рот? Пинок под зад, и весь разговор. Спасибо, добрый хозяин попался – мог и поленом прибить. Мальчик не чувствовал коченеющих ног. Не замечал снежинок, срывающихся из низких, набрякших влагой туч. С упорством одержимого он шел на север. Зачем? Спроси кто – Краш не смог бы ответить.

* * *

Шагнув за околицу, он с ясностью смертника, взошедшего на эшафот, понял: эта деревня – последняя на его пути. Если и здесь не приютят, не бросят кусок хлеба – он ляжет, где стоит, и замерзнет.

Может, оно и к лучшему?

Закрывать глаза – и ждать, пока Предвечная Тьма не сомкнется вокруг. Кто встретит Краша на том берегу Хавсалы, реки царства мертвых? Мать с отцом? Черная Вдова? Правда, он не исполнил волю королевы Шаннурана, не вернул ей Око Митры...

Тяжесть чужого взгляда придавила к земле. Краш с трудом заставил себя обернуться. Суставы скрипнули несмазанными ступицами колес. От ближайшего дома на мальчика глядел медведь. Огромный, кудлатый. Нет, не медведь – бородач в косматой, с проплешинами шубе. Шапку бородач надвинул на самые брови.

«Прогонит», – безнадежно подумал Краш.

– Пустите... погреться...

Медведь молчал.

– Холодно...

Медведь шумно засопел, высморкался под ноги. Рыкнул:

– Убирайся! Ишь, проглот...

Краш еле разобрал, что ему сказали. Слишком уж непривычным был выговор. Но главное уразумел – гонят. Тут не ошибешься. Ну и ладно. Ну и пусть.

За слюдяным окошком мелькнула тень. Раздался женский голос: мужчину окликнули из дома. Бородач засуетился, сразу сделавшись меньше ростом, оглянулся на Краша и шмыгнул в двери. Не медведь – нашкодивший пес. Замычала корова, откуда-то пахнуло свежим хлебом. Живот у Краша прилип к спине, в глазах заплясали искры. Как зверь, жадно раздувая ноздри, он сделал шаг вперед. В доме спорили. Кажется, женщина распекала мужчину на все корки. Но для Краша сейчас существовал лишь хлеб. Ноги подкашивались, он боялся упасть, не дойдя, не дотянувшись...

Хлопнула дверь.

– Эй, малец! Иди сюда, значит... Эй, ты чего?

Мерзлая земля качнулась навстречу, норовя ударить в лицо.

Но медвежьи лапы успели раньше.

...три дня Краш отъедался. Просяную кашу, едва сдобренную салом, похожую на комок сероватого речного песка, уплетал со свистом, аж за ушами трещало. Он бы и добавки попросил, но не решался. А еще – кислая капуста, бобы, хлеб, запах которого едва не свел мальчика с ума. Один раз даже мяса дали... Краш ел и спал: набивал брюхо, и проваливался в блаженное забытие без сновидений. Иногда, просыпаясь, он видел рядом мелкую девчужку – младшую в приютившем его семействе.

– А я знаю, кто ты! – заговорщицки сообщала девчужка. – Ты – принц!

– Какой принц? – шепотом спрашивал Краш.

– Какой, какой... Убеглый.

Она прикладывала пальчик к губам – тайна, мол! – и удирала.

Поначалу Краш думал, что девчужка ему мерещится. Он плохо различал грань между сном и явью, до судорог боясь проснуться и обнаружить себя замерзающим в лесу под корягой.

– Ты – принц!

– И ничего я не принц, – буркнул однажды Краш.

Вставая с лавки, где ему кинули ворох тряпья, он едва не угодил ногой в отхожую лохань.

– Принц!

– С чего взяла, дуреха?
– Мне бабушка рассказывала!
– Про меня?
– Про принца. На ихнее королевство напали враги, всех ножами убили... А принц бежал. Он потом долго ски... ска... скотался?
– Скитался?
Слово было из благородных. Краш знал его от отца, который в молодости служил телохранителем у лорда Плимута.
– Скитался! – девочка от радости захлопала в ладоши. – Он был голодненький, его вши кушали... Тебя как зовут?
– Краш.
– А я – Хельга.
– Что там дальше было с твоим принцем?
– Он выучил язык зверей, собрал армию из волков-медведей – и всех победил. Вернулся в замок, стал королем и женился на самой красивой принцессе. Вот!
– Так это сказка... – с разочарованием протянул Краш.
– И ничего не сказка! Это ты нарочно так говоришь, чтоб никто не узнал, кто ты есть! – подмигнула ему Хельга. – Не бойся, я никому не скажу...
– Эй, принц! Очухался?
В дверях горницы стояла хозяйка.
– Ага...
– Тогда займись делом. Воды натаскай, что ли...
– Я... я все сделаю!
Дают работу? Значит – не прогонят!
Будь Краш в горнице один – заплакал бы от счастья.

... зима таилась в засаде, укрывшись за крепостной стеной гор. Лишь ее дозорный – студеный ветер с севера – время от времени несся над трактом, сворачивая в деревню. Волчьей стаей завывал он в проулках меж домами, демоном хохотал в печных трубах. Земля промерзла до звона, черные ветви деревьев на фоне белесого, выморочного неба смотрелись рунами заклинаний.

Все изменилось в одну ночь. Наутро деревня проснулась, укрытая искрящимся, пушистым одеялом. Мир перестал напоминать задубевшую дерюгу: зима позаботилась о том, чтобы прикрыть наготу своих владений. Пробираясь к колодцу, по пояс увязая в сугробах, Краш улыбался. Что зимняя стужа тому, у кого есть крыша над головой! В хлеву, куда он перебрался ночевать, тепло, а к запаху навоза Крашу не привыкать.

Деревенские приняли мальчика легко. Смотрели с сочувствием, перешептывались за спиной. И быстро отводили взгляды, если Краш оборачивался невпопад. Это потому, что я чужой, думал он. Небось хозяйка рассказала. Что у меня семью убили и дом сожгли.

О пребывании в подземельях Шаннурана Краш благоразумно умолчал.

Дни тянулись за днями, похожие друг на друга, как близнецы. Прошлое блекло, растворялось в тумане. Крашу казалось, что он живет здесь целую вечность. Черная Вдова покинула его сны, зов ее ослабел и нечасто тревожил Краша, поднимая среди ночи. Поначалу он собирался, когда потеплеет, вновь отправиться в путь. Но чем дальше, тем реже вспоминал мальчик о своем намерении.

Весна, взломав лед на реке, не отзывалась в его пятках зудом странствий.

* * *

За ним пришли на закате.

«Что? Чего вам...» – забормотал Краш, выпутываясь из соломы, служившей ему постелью. Сонный, всклокоченный, моргая и утирая слезу кулаком, он сперва не узнал женщину, которая встала на пороге хлева. Это была Бычиха, жена кузнеца. Зимой, узнав, что Бычиха – имя, а не прозвище, Краш очень удивился. Неужели ее родители с детства знали, какой громкой вырастет дочь? Рядом с женой даже кузнец, детина хоть куда, без труда ломающий старые подковы, казался шуплым доходягой. Дородная красавица – жизненную силу в деревне ценили выше соболиных бровей и осиной талии – Бычиха относилась к мальчишке-приблуде с грубоватой лаской. Украдкой, чтоб никто не видел, совала краюху хлеба, ломоть сала; подметив, что Краш, обнадеженный ее сердечностью, зачастил к кузнице по поводу и без – улыбалась, подарила гребень, вырезанный из липы, штаны с кожаной заплатой на заду...

Вот и сейчас она улыбалась.

Проснулись, заблеяли овцы. Хрюкнул в своем закуте годовалый кабанчик. Улыбка Бычихи проплыла сквозь гомон и вонь – светлая, безмятежная. Сильные пальцы сомкнулись на запястье Краша, причинив легкую, терпимую боль.

– Пойдем, – молча сказала Бычиха.

Мальчик ничего не понял. Как можно говорить молча? А вот так, оказывается... Куда пойдем? Зачем? Ночь в воротах, идет на двор... Он решил спросить, чего от него хотят, но плотная, вся в мозолях ладонь запечатала ему рот. Когда ладонь убралась, Краш с изумлением осознал, что не в силах произнести даже самое коротенькое слово. Вместо слов изо рта неслся хриплый стон и взлаивание, похожее на собачье.

Онемел, с ужасом подумал он. Как теперь жить?

Снаружи ждали женщины. Все они были голые, как в бане, и Бычиха тоже, просто Краш спросонок, в сумерках, царящих в хлеву, не обратил на это внимания. Ловкие руки вцепились в Краша, со сноровкой, выказывающей большой опыт, лишая его одежды. В мгновение ока исчезла куртка – дряхлая, латаная. Куртки было жалко до слез. Птицей-подранком улетела рубаха. Взмахивая холщовыми крыльями, за ней последовали штаны. Мальчик хотел крикнуть, что замерзнет, что на дворе – ранняя весна; он застонал, забился рыбой в бредне, тщетно стараясь вырваться из окружения, – и почувствовал, что ему жарко. Так жарко, что хоть в реку ныряй. Грудь, ляжки, плечи, животы – вокруг вертелся потный, мясистый, остро пахнущий хоровод, лишая ночь ее зябкого оружия. В низу живота возникло странное томление. Но Бычиха не дала Крашу и минуты, чтобы задуматься, – пальцы жены кузнеца вновь ухватили руку мальчишки, сжали хуже, чем тисками, и повлекли прочь от дома.

Они бежали, словно спасались от погони. Дюжина женщин и мальчик. Нагие, как при рождении; безмолвные, как после смерти. Лишь дыхание, сипло вырываясь наружу, дикой мелодией сопровождало их бег. За рекой кузнечным горном пылал закат. Багряные и алые ленты подергивались сизой дымкой пепла, тускнели, надламывались, окалиной проваливались за небокрай. Тьма-хищница выскочила из засады, навалилась всей тушей; сопя и чавкая, она пожирала мир. В небе плясала луна, опившаяся дурмана. Задрав голову, спотыкаясь, Краш видел, как млечно-желтый диск выгрызал сам себя в середине, превращаясь в блин, траченный мышами, а там – в узкий зазубренный серпик, чтобы снова разрастись в золотую монету; раз за разом, опять...

Запах женщин сводил мальчика с ума. Так могла бы пахнуть Черная Вдова, окажись она человеком, а не подземной тварью. Мускус, пот, сладость и соль, и терпкость, от которой озноб сотрясал тело. Краш представил, как Черная Вдова вылизывает его перед кормлением, и вдруг превращается в Бычиху, не прекращая орудовать языком, по-прежнему длинным и раздвоен-

ным на конце. Ему стало труднее бежать. Тяжесть между ног, болтаясь из стороны в сторону, мешала бегу. Бычиха – или кто-то из несущихся бок о бок женщин? – протянула свободную руку, схватила тяжесть и сделала что-то такое, отчего Краш зарычал цепным кобелем и остановился, раздавленный неведомой, горячей, будто кипятком, волной.

Его толкнули в затылок. Чуть не упав, мальчик вновь помчался вперед, топчя свое семя, пролившееся на землю. Вокруг сомкнулся лес, качая черными, голыми ветвями. Луна упала, сбита влет; вертясь колесом, взрезала лохматую спину ельника. Чем дальше бегущая процессия углублялась в чашу, распаханную на манер пасти чудовища, тем более странные метаморфозы происходили с лесом. На ветках набухли почки, раскрылись, выпуская наружу тоненькие, трепещущие язычки. Под ногами зашуршала, запела свистящим голосом трава. Тут и там начали мерцать белые звезды – ночные цветы, пьяные до одури, забыв о смене сезонов, ждали темных, мохнатых бабочек. Гиганты-хвощи, каким здесь было не место – да и не время, если по правде! – возникли из мрака, растолкав жидкий подлесок. В зарослях папоротников вились стрекозы с размахом крыльев в руку взрослого человека. Стволы деревьев сделались мощными, желобчатыми колоннами, уходя на недостижимую высоту. Их оплетали спирали, похожие на рубцы от ран. Сверху, должно быть, с небес, временами падали большие шишки, взрываясь мелкой пылью спор. Неподалеку, в болотах, раздавался плач, похожий на вопль неприкаянной души – громкий, надрывный, нечеловеческий.

Когда женщины выбрались на поляну, Краш уже задыхался.

* * *

Их ждали. Вторая дюжина бегуний заканчивала привязывать к столбу голого, дрожащего от страха парня – сельского дурачка Витун, безобидного и бесполезного. Витун плакал и дергался. Из уголка рта дурачка ползла нитка слюны. Краш не успел опомниться, как оказался у другого столба. Ему завели руки за спину, плотно стянув запястья веревкой. Петля охватила лодыжки. Плохо оструганная древесина колола спину; пытаясь вырваться – так зверь рвется из ловушки, не зная, что свобода ушла навсегда, – Краш загнал с десятков заноз, жгучих, как осиные жала, и заскулил, чувствуя свое бессилие. Морок слетел с него, оставив ясность надвигающейся смерти.

И хорошо, если только смерти.

На краях поляны вспыхнули костры. Ударили барабаны, хотя Краш не видел ни одного. Мрачный, давящий ритм наполнил лес. Сердца людей откликнулись, ноги заплясали на месте. Мальчик ничего не мог поделать с глупыми, связанными ногами – голени и бедра подергивались, а пятки то и дело отрывались от земли. Запах женщин усилился, к нему подмешалась резкая струя, от которой кружилась голова. Бычиха затянула песню на неизвестном Крашу языке. Хор подхватил припев. Контрапунктом звучал визг дурачка – Витун не выдержал, исторгая из груди звук, похожий на скрежет пилы.

В лесу откликнулся уробный рык.

Крашу показалось, что мир лопнул. Где-то там, в гуще деревьев, непохожих на деревья, возникла трещина, открывая путь в пространства, не знающие людей. Мальчик чувствовал себя новорожденным, покидающим утробу матери; цыпленком, выходящим из расколотой скорлупы, чтобы закончить путь в горшке с супом. Рык приблизился, заглушив песню. Тем ужаснее возобновилась она в наступившей тишине. Тяжелая поступь сотрясла землю, Витун, взвизгнув в последний раз, замолчал – и на поляну, топчя кусты, выбрался монстр.

Тварь напоминала скелет исполинской птицы, обтянутый шкурой, бугристой и чешуйчатой. Когти мощных лап оставляли на земле глубокие борозды. Передние лапы, короткие и слабые на вид, беспрестанно двигались, словно оживший кошмар потирал руки перед едой. Хвост, длинный и мясистый, вытянулся струной. Глубоко утопленные в глазницах, сверкали

хищные угли; сверху, вместо бровей, тянулся костяной гребень. Морда двигалась из стороны в сторону: чудовище прислушивалось или принохивалось.

Содрогаясь от страха, Краш понял, что монстр двигает мордой в такт песне.

Бычиха, прекратив петь, что-то крикнула. Подчиняясь ей, все женщины пали на колени, продолжая тянуть низкую, яростно звучащую ноту. Монстр щелкнул клыками и бросился к столбу с Витуном. Крик несчастного дурачка взлетел над поляной, но быстро смолк. Веревки лопнули, тело упало на землю. Склонившись над жертвой, монстр рвал беднягу на части; запрокидывал ужасную голову, проглатывая кусок за куском. Следя за трапезой, женщины хохотали. Кое-кто бился в конвульсиях. Барабаны не прекращали грохотать, Бычиха вновь запела. Краш не сомневался, что следующей жертвой будет он.

Но нет, монстр, насытившись, стоял смиренно.

Ритм изменился, изменилась и песня. Она стала медленной, тягучей, с обилием свистящих звуков. В ответ лес откликнулся громким шипением. Что-то еще раз лопнуло, раскололось в чаще, выпуская нового гостя. Бычиха понизила голос до шепота. Стало слышно шуршание, вкрадчивый шорох, как если бы десяток мужчин волокли по земле мешки с зерном. Крашу показалось, что сама ночь, сделавшись темнее темного, виляет хвостом – нет, это живое, навещающее ужас существо выползло на поляну. Змей, огромней которого не видел даже тот, кто лицезрел Черную Вдову, явил себя неистовым участницам жертвоприношения. В трех локтях от земли, покачиваясь, плыла голова размером с лошадиную. С клыков, белеющих в разверстой пасти, капала жидкость, мутная и пахучая.

Там, где падали капли, жухла трава.

– Да! – взмолилась песня. – О да!

Так вот для чего меня приютили в деревне, понял мальчик. Не из милосердия, нет – из тайных соображений. Должно быть, в жертву тварям женщины приносили только своих, односельчан. Если не подворачивался кто-нибудь, проживший в деревне нужное время, ставший «местным» в достаточной степени, чтобы монстры – или древние боги, которые, вне сомнений, любовались происходящим из мрака столетий, – снизошли к приношению... Тогда Бычихе и ее подругам приходилось жертвовать сыновьями, племянниками, стариками, а то и мужьями, вечно жившими под угрозой стать кормом чудовищ. Краш подвернулся очень кстати, и время его маленькой жизни стремительно подходило к концу.

Змеиная голова качнулась напротив его лица.

* * *

Гад не торопился.

Мелькал раздвоенный язык, словно змей желал облизать жертву перед трапезой. Краш не заметил, что наступила тишина. Жало замелькало чаще, змей пробовал воздух на вкус, изучая ужас Краша, которым было пропитано все пространство. Похоже, результат оказался для твари не вполне ожидаемым. Мотнув головой – капли яда чудом не попали на обнаженного мальчишку, – змей изогнулся странным образом и двинулся вбок. Не успел Краш опомниться, как чудовище дважды обернулось вокруг столба, заключив жертву в гибкое, пульсирующее кольцо, и подняло голову рядом с плечом мальчика.

С ледяным интересом змей рассматривал встревоженных, как стая обезьян, женщин. Бычиха шагнула было вперед, собираясь возобновить песню, но шипение предупредило жену кузнеца: молчи! С трудом двинув затекшей шеей, Краш увидел желтый глаз, разделенный черным веретеном зрачка. Там, в холодной, как омут, глубине, светилось что-то знакомое. Краш тонул в янтарной воде, из последних сил цепляясь за аспидную соломинку зрачка – и видел, видел! Он готов был поклясться утраченным Оком Митры, что и впрямь видел...

На дне змеиного омота ждала Черная Вдова, королева подземелий Шаннурана, в венце из дрожащих щупальцев. Приемная мать, казалось, улыбается пасынку, скаля клыки – не белые, как у прочих зверей, а темно-красные, влажные на вид. Даже здесь, в глуши смертельно опасного леса, она не оставила Краша своей милостью.

Громче заурчал монстр, сожравший Витуна. Вперевалочку, вытянув хвост, как если бы стремглав бежал за жертвой, ящер приблизился к мальчику, предупрежденный шипением змея. Дрогнули ноздри, расположенные ближе к глазам, чем к кончику ужасного рыла. Монстр принялся, рыкнул, обдав Краша вонью мертвечины, и встал у столба, составив змею компанию.

Женщины, сбившись в кучу, попятились.

Они защищают меня, понял Краш, бледный от восторга. От меня пахнет Черной Вдовой! Твари готовы биться за меня насмерть, служить мне телохранителями. Мальчик забыл, что наг, связан, беспомощен. Ликование переполняло его сердце, как если бы Краша возводили на трон. О, королева моя! Я – принц, принц тварей! Мне стоит лишь приказать...

– Убейте их! – закричал он.

Ящер дернул передней лапой. Жуткий коготь ободрал Крашу предплечье, на землю потекла струйка крови. Веревка, стягивающая запястья, лопнула, и мальчик почувствовал, что руки свободны. Быстро присев, он стал возиться с путами на лодыжках. Голова змея качнулась вперед, предупреждая: не мешать! Когда петля ослабла, Краш упал на четвереньки – так затекли ноги.

– Убейте их! Всех! Я приказываю!

Ящер взревел, сотрясая ночь. Часть костров погасла. Смолкли барабаны. Женщины, толкая друг друга, ринулись прочь. Они больше не напоминали сверхъестественных существ, несущихся во мраке. Толпа насмерть испуганных, слабых обитательниц деревни, забытой в глуши, – быстрее, еще быстрее! Краш провожал их не взглядом, потому что лес скрыл беглянок, но слухом, жадно ловя топот, хрип, насадные вздохи.

Ему чего-то не хватало – так, что хоть кричи.

Мечь!

Иначе он задохнется от ярости.

– За мной! Следуйте за мной!

Мальчик устремился в погоню. Змей без колебаний последовал за ним. Миг, и к загонщикам присоединился ящер. Лес менялся с каждым шагом, прыжком, скольжением; сгнули хвощи, расступились болота, исчезли огромные стрекозы. Стало холодно, стылый язык ветра облизал разгоряченное тело Краша. Деревья-исполины уступили место букам и грабам. Втянулась в землю трава, словно когти, втягиваемые кошкой. Ранняя весна, еще ничего не цветет, ничего толком не вошло...

– За мной!

Он остановился на окраине деревни.

– Эй! Выходите!

Тишина была ему ответом.

– Выходите! Немедленно! Все!

Молчание. Лишь брех псов.

– Я приказываю! Иначе я велю моим тварям убивать всех без разбору!

Душа пела яростный гимн. Принц тварей стоял перед селением изменников. Вот они – выходят из домов, бредут к мстителю, понуриив головы. Женщины, которые привязывали его к столбу. Мужчины, которые знали и молчали. Сыновья, чье место не своей волей занял Краш. Дочери, которые вырастут и однажды, раздевшись донага, побегут в лес – приносить жертву. Старухи еще недавно были такими же. Старики поседели, прикусив язык и дрожа. Вот они все – покорные, трясущиеся, каждый у собственного столба, каждый с детства привязан невидимой

веревкой, и во власти Краша – казнить и миловать. Не зря он томился во тьме Шаннурана, не зря его – *его!* – вылизывала Черная Вдова, приобщая к роду чудовищ, давая подданство в страшном королевстве, титул, могущество, власть...

– Убивайте! – скомандовал принц тварей. – Ну же!

Что-то случилось со временем.

Небо на востоке посветлело. Солнечная пыль густо присолила краяхи холмов. Еще немного – и восход. Ночь бежала, унося в кармане безумную луну, топот босых ног, визг несчастного дурачка. Собаки заливались лаем, но даже так было слышно – в лесу поют птицы.

Ящер и змей не тронулись с места.

– Вперед! Рвите их!

Не издав ни звука, твари повернулись и стали удаляться от деревни. Грузно топал ящер. Высоко подняв голову, струился змей. Когда первый камень ударил изумленного Краша в плечо, не боль, но ужас совершенной ошибки заставил мальчика вздрогнуть всем телом. Второй камень вскользь прошелся по щеке, прочертив рубец, сразу взмокший кровавой росой. Россыпь мелкого щебня – Краш закрыл голову руками. Булыжник в живот – мальчик согнулся, задыхаясь, в три погибели, а там и упал на колени.

Все.

Сейчас...

Вместо приговора, падающего смертоносным дождем, он сперва услышал вопли людей, а затем – шум повального бегства. Собаки за заборами, и те начали скулить, как кутята. Завалявшись на бок, спиной к деревне, Краш не видел, как его мучители спасают свои жизни, удирая во все лопатки. Зато он хорошо видел другое.

Твари возвращались.

* * *

Он шел на север – один, весь в крови, спотыкаясь. Деревня осталась за спиной, похожая на кошмар, приснившийся ребенку ночью. С каждым шагом он забывал, что случилось с ним, рвал память в клочья и швырял под ноги, за спину, на обочину, словно лишние вещи, обременяющие дорогу без пользы.

Оставалось главное.

Если тебя защищают, это не значит, что ты можешь приказывать. Оказанное тебе покровительство не есть власть. Во всяком случае, не твоя власть. А твари и люди – на одно лицо. Чтобы понять это, достаточно заглянуть в зеркало ручья. Готовый упасть в любую минуту, мальчик смеялся. Он знал: в любом мраке найдется ужас, согласный тебя спасти. На самом ярком свете отыщется милосердие, способное привязать тебя к столбу. О, королева подземелий! – ты не оставляешь меня милостью своей, наставляя и подсказывая...

Иногда, когда ноги подгибались слишком сильно, он думал, что этот опыт было бы лучше приобрести меньшей ценой. Но ветер шипел над ухом, а за холмами ревел гром. И слабость уходила; в том числе и слабость, нашептывавшая про меньшую цену.

Сын Черной Вдовы продолжал путь.

Смех дракона

*Тенедержцы выступают с дальних сфер, где вымер свет,
Где в застывший сумрак вмерзли трупы сгнивших планет,
Где ветра задули звездам погребальные костры,
Где мертвец трубит побудку, встав на лысине горы,
Где подернуты долины ядовитой тишиной,
Где огни болот – как раны в рыхлой плоти торфяной.*

Роберт Говард

I

Оказавшись под каменным козырьком, Вульм фыркнул по-лошадиному и так тряхнул мокрой гривой волос, что капли полетели во все стороны. Осенняя слякоть и дождь, зарядивший с утра, раздражали его. Жару летом и стужу зимой Вульм переносил куда лучше. Да и шрам на бедре – память о визите в мрачные подземелья Шаннурана – разнылся на погоду, тоже не прибавляя хорошего настроения.

– Далеко еще, Хродгар?

Великан-северянин с трудом, как медведь в узкую расщелину, втиснулся в укрытие. С шумом выдохнул, словно вознамерясь опрокинуть чарку крепчайшей «Крови Даргата», и полез за пазуху. Долго рылся там, забираясь все глубже, – казалось, Хродгар давным-давно копается в собственных потрохах, – и наконец извлек на свет свиток тонкой кожи. Если верить утверждениям Хродгара, он лично вырезал этот лоскут из спины несчастного следопыта-лигурийца. «Бедняга сам просил облегчить его страдания! – каждый раз уточнял северянин. – Кричал, что карта жжет его огнем и скоро пропалит насквозь. Ну, я и помог, от чистого сердца... Правда, потом он все равно умер».

Перед смертью лигуриец успел рассказать: карту на его спине вытатуировал колдун посредством ужасного заклятия. В последнем Вульм нисколько не сомневался. Иначе с чего бы цветным линиям и значкам светиться в темноте?

– Мы здесь, – корявый палец Хродгара уткнулся в изгиб пунктира, ведущего сквозь чешую нагорья Су-Хейль. Желая удостовериться, северянин выглянул из-под козырька, и дождь с восторгом забарабанил по его рогатому шлему. – Точно тебе говорю. Вон тропа сворачивает вправо. Вульм, ты ж грамотный? Что тут написано?

– Палец Хатон-Идура, – с трудом разобрал Вульм.

Действительно, напротив них в мгlistое небо вздымался одинокий белый утес. Более всего он и впрямь напоминал палец окаменевшего исполина, торчащий из-под земли. Зная чувство юмора исполинов, Вульм не сомневался, какой это палец.

– Значит, мы на верном пути!

Хродгар от души хлопнул приятеля по плечу, и Вульм едва не вылетел кубарем под дождь. Уроженцу студеных фьордов Норхольма было не привыкать к сырости и зябким струям, секущим лицо. Осень в теплой Эсурии старалась и никак не могла досадить великану. А близость вожденной цели зажгла в его кабаньих, глубоко посаженных глазках огни азарта.

– Ладно, пошли, – буркнул Вульм. – Хорошо бы найти пещеру до темноты.

До входа они добрались засветло.

Тропа в очередной раз вильнула змеей и завершилась раздвоенным «жалом», упершись в отвесную скалу. В камне, изъеденном ветром и временем, чернели две мрачные дыры – точь-в-точь глазницы черепа. К ним вел ряд полуобвалившихся ступеней – столь древних, что возникало серьезное сомнение: человеческие ли руки вытесали их тысячелетия назад?

Вульм огляделся. Здесь, на крайнем западе Эсурии, в пустошах дикого приграничья, бесплодных и опасных, боялись селиться даже кровожадные пикты. Авантюрист и бродяга до мозга костей, Вульм по опыту знал: в холмах и подземельях может скрываться кое-что пострашнее дикарей. Семейка людоедов-й'эху, следящая за тобой голодными взорами, – не самое худшее в нашей тихой, скучной, а главное, короткой жизни.

На миг ему почудилось движение на гребне ближайшего холма. Ладонь Вульма легла на рукоять меча. Искатель сокровищ замер, до рези в глазах всматриваясь в серую пелену дождя. Нет, показалось. Просто качнулся под ветром одинокий куст бересклета – всплеснул голыми ветвями, уподобясь живому существу.

– Достань карту, Хродгар. В какую дыру нам лезть?

– Я и так помню, – прогудел великан. – Крест стоит возле левой.

– Тогда вперед! Надеюсь, там хотя бы сухо.

Скользя на мокрых ступенях, приятели начали подъем. Оказавшись на узкой площадке перед входом, Вульм обнажил меч, а северянин выволок из-за пояса двулезвийную секиру с укороченной рукоятью. Сперва один, а там и другой полумесяц тускло блеснули, словно улыбнулись по очереди. Великан бережно, с нежностью отер влагу со стали. К секире Хродгар относился как к родной дочери. Она платила ему ответной преданностью, не раз выручая хозяина в опасных передрыгах.

Жилистый, гибкий Вульм первым скользнул в пещеру. Здесь и впрямь было сухо. Свет угасающего дня сочился сквозь «глазницу», давая возможность рассмотреть пол, на удивление ровный – явно поработали чьи-то руки – и низкий шершавый потолок. Дальше тьма сгустилась наподобие воронки смерча, опрокинувшегося набок и окаменевшего. В центре воронки аспидным зрачком чернело жерло прохода, уводя в недра горы.

К счастью, проход был один.

– Темно, как у Бела в заднице! Без факелов не обойтись.

Усевшись на камень поближе ко входу – вернее, ближе к свету, – Вульм извлек из-под плаща дорожную торбу. Плащ и хорошо выделанная оленья кожа уберегли содержимое торбы от дождя. Внутри, в числе множества полезных мелочей, обнаружили две короткие палки, запас тряпья, глиняный флакон с земляным жиром, огниво и трут.

Чувствовалось, что Вульм хорошо подготовился к предприятию.

Северянин тоже зря времени не терял. Он устроился напротив, положил рядом секиру и стащил с головы шлем, оказавшись лыс, как колено. После чего приступил к исключительно важному делу: занялся своей бородой. Надо сказать, что за кудрявой, огненно-рыжей бородищей – предметом зависти горных карл – Хродгар ухаживал с крайним тщанием. Мыл дважды, а если была возможность, и трижды на день, расчесывал гребнем и заплетал косицами – числом от семи до двенадцати, в зависимости от предстоящего дела.

Однажды великан обмолвился, что так норхольмцы гадают «на успех», приманивая удачу, но сразу умолк, и больше от него не удалось добиться ни слова.

Вульм всякий раз дивился: как грубые, корявые пальцы Хродгара, привыкшие к оружию, веслу и кружке, справляются со столь тонкой работой? Он успел изготовить факелы, дважды проверить снаряжение, изучить сложный узор трещин на потолке пещеры, а северянин все священнодействовал. Сейчас он вплетал в косы – на сей раз их получилось девять – шелковые

ленты, полоски тисненой кожи и суровые нитки разного цвета. По опыту Вульм знал: пока ритуал не закончен, торопить Хродгара бесполезно. Он совсем уж собрался достать наждачный брусок и поточить без того острый меч, но тут Хродгар вернул шлем на голову и с проворством, удивительным для его телосложения, вскочил на ноги.

– Наконец-то!

Чиркнув огнивом, Вульм зажег факел. Второй он решил побереечь. Тьма шарахнулась прочь, по стенам заплясали зловещие тени. Одна из них подозрительно смахивала на рогатого демона Белл-Сатона. Вульм давно подозревал, что без снежного гиганта-ётуна в родне Хродгара не обошлось. Загуляла мать или бабка по молодости в торосах... Но спрашивать северянина о таком было равносильно самоубийству.

Молча отобрав у приятеля факел, Хродгар, согнувшись, но все равно скрежетнув рогом шлема по потолку, нырнул в мрачный зев тоннеля. Пещера Смеющегося Дракона поглотила гостей, и тишина вновь воцарилась под сводами.

Впервые они встретились семь лет назад, во время мятежа в Содгане. Вульм ничего не имел против местного правителя и участвовать в штурме Нефритового Дворца не собирався. Но мятеж – отличный случай разжиться чем-нибудь ценным. Если, конечно, знаешь, где искать, готов к риску и умеешь вовремя уносить ноги.

Всеми этими качествами Вульм обладал в полной мере. Однако ему не повезло. Стража и дворцовая гвардия опомнились слишком быстро. Уносить ноги пришлось раньше, чем он предполагал. Прихватив жалкую ерунду – пару серебряных браслетов и горсть перстней с опалами, – Вульм справедливо рассудил, что это лучше, чем ничего, а жизнь дороже, и бегом покинул ювелирную лавку. На пути к порту он нагнал бородача, тащившего на плечах целый сундук. Собрат по ремеслу оказался более удачлив: ноша пригibasла великана к земле.

Золото, не иначе!

Пару мгновений Вульм раздумывал: не ткнуть ли бородатого ножом в печень, пока у того заняты руки, выгresti из сундука сколько унесет и поспешить дальше? Но тут из-за поворота улицы объявились стражники, и план изменился сам собой.

Поравнявшись с великаном, Вульм деловито бросил:

– Сзади. Пятеро. С двумя я справлюсь.

– Ну-ну, – хмыкнул великан.

Он поставил сундук на мостовую и взялся за секиру. Пламя близкого пожара сверкнуло на двойном лезвии. Бой вышел коротким. Стражники оказались зеленые, таким воришек на базаре тиранить да мзду с купцов драть. Пятый, правда, успел дать деру, не дожидаясь участи товарищей.

– А говорил – двоих! – хохотнул великан, вновь берясь за сундук.

– Я сказал «справлюсь», а не «убью».

– Твоя правда, хитрец. Я – Хродгар Олафсон.

– Вульм из Сегентарры. Ты в порт?

– А что?

– Вместе легче пробиться.

Хродгар кивнул.

По пути им еще дважды пришлось драться. Потом оказалось, что фелука, на которую рассчитывал северянин, ушла раньше срока, и тут пригодились знакомства Вульма среди местных контрабандистов. В итоге содержимое сундука они разделили пополам. В будущем судьба сводила их не раз – пиратский рейд к Жемчужному берегу, где они бились спина к спине против орды чернокожих дикарей, гробница верховного жреца Ригии, где Вульм остался бы навсегда, если бы богатырь Хродгар не удержал каменную плиту, порвав мышцы плеча, но дав

приятелю возможность нырнуть в лаз; затерянный город в джунглях Йе-Лайе, где теперь уже Вульм закрыл щитом спину Хродгара от стрел, градом летевших с Черного Зиккурата...

Вновь они встретились месяц назад, в харчевне на окраине Эсура. Там изрядно захмелевший – впрочем, как всегда – Хродгар показал Вульму карту. О пещере Смеющегося Дракона ходили легенды. Заколдованный клад под охраной монстра, демоны подземелий, бесчисленные ловушки... Редкие маги, если верить слухам, ухитрились вернуться оттуда живыми.

– Нам нужен колдун, – заявил осторожный Вульм.

– Зачем?! – изумился северянин. – С драконом мы и сами управимся! Помнишь змея из Вейсхейма? Ты вспорол ему брюхо, а я отсек башку...

– А если клад и вправду заговорен? Если демоны – не ложь? Хороший колдун всегда пригодится, если он на нашей стороне.

– Ну, попробуй, – согласился Хродгар, задумчиво опустошая кружку.

Однако никто из чародеев, которых им удалось разыскать, не выказал желания присоединиться к походу. Куда там! – при одном упоминании Смеющегося Дракона двери домов, где жили маги, захлопывались перед искателями сокровищ. А плюгавого редкозубого колдунишку, который из штанов выпрыгивал, лишь бы навязаться в попутчики, Вульм прогнал внаглую. От жадного дурака не было бы никакого толку. Колдун из него как из отродья Нарьял-Сата – слугитель Митры... Выгнать за дверь, к примеру, Симона Остихароса – нет, такого Вульму бы и в голову не пришло. Вот кто был истинный маг! Но, к сожалению, Симон покоился в лабиринтах Шаннурана, откуда Вульм едва унес ноги полгода назад.

Что ж, пришлось нырять во владения Смеющегося Дракона вдвоем. Циклопические залы, сталактиты в свете факелов переливаются радугой, как драконьи зубы; чернильная темнота тоннелей, похожих на кишки окаменевшего Левиафана; и наконец – дверь...

Дверь была – сущее издевательство.

Белый мрамор, добытый, судя по виду, в каменоломнях Йоханамейта, где рабы редко жили больше пяти лет, чуть светился в темноте. Его поверхность, пересекаясь с темно-золотистыми прожилками, испещрили удивительные, словно изуродованные безумцем-каллиграфом, руны. Казалось, когтистая лапа зверя, на миг обретшего подобие разума, изодрала дверь без цели и смысла – цель и смысл проявились сами, позже, сложившись из глубоких царапин. Орнамент? Строки заклинаний? Таинственные формулы древних? Чувствителен к сырости и сквознякам, благородный камень тем не менее устоял против капризов природы, не покрывшись пятнами и грубой желтизной. Но, как бы то ни было, главной – отпугивающей – странностью двери были ее неестественные пропорции.

Откройся она – и войти, не поклонившись, смог бы лишь подросток.

Или горный карла.

– Это хорошо, – сказал Вульм.

– Почему? – не понял Хродгар.

Великану и вовсе пришлось бы согнуться в три погибели.

– Если тут действительно живет дракон, он невелик.

– Или ползает другой дорогой, – хмыкнул северянин, дергая себя за косицы бороды. – Клянусь грыжей Фродгена! В этой дыре хватит тоннелей, чтобы дать пропуск Мировому Змею!

«Типун тебе на язык», – молча пожелал Вульм, опускаясь перед дверью на колени. Поднеся факел ближе, он пытался разобрать руны. Временами ему чудилось, что он улавливает связь знаков. Скрытая логика, знакомые контуры... Но едва Вульм пробовал произнести текст вслух – даже от шепота, от беззвучного движения губ сразу начинала кружиться голова, а по спине ползли холодные струйки пота. Оставив небезопасные попытки, он достал кинжал и ткнул острием в ручку, расположенную на уровне колена взрослого человека. Медная, резная, не пойми как держась на мраморе ручка успокаивала.

Вряд ли драконы пользуются такими приспособлениями.

Взяться за ручку сумел бы разве что ребенок. С помощью кинжала убедившись в отсутствии отравленных шипов, Вульм с трудом просунул в отверстие три пальца. Подергал – без результата. Откуда-то, должно быть из глубин подземелий, ему послышался тихий смешок. В звуке не было ничего живого – шелест, шорох, трепетанье воздуха. И ядовитая издевка. Так могла бы смеяться вечность, в которой не осталось места человеку, если он не жертва и не скользкая тварь.

Смех исчез внезапно, как и возник.

– Ты слышал?

– Что? – Хродгар завертел косматой головой.

– Нет, ничего. Посмотри на карту. Может, мы ошиблись местом?

Держа факел в левой руке, Хродгар стал неловко разворачивать свиток. Дьявольский смешок вновь долетел до ушей Вульма, и в ту же секунду великан, громко выругавшись, уронил лоскут кожи себе под ноги. Вульм потянулся, чтобы взять карту, но быстро отпрянул прочь.

Карта шевелилась.

Кожа, содранная со спины неудачливого лигурийца-следопыта, шла волнами, скручивалась во множество трубочек, делаясь похожей на волюнку. Взбесившаяся карта напоминала слизня-метаморфа перед совокуплением. Не прекращая браниться, Хродгар собрался ткнуть в ожившую карту факелом, но Вульм жестом остановил его. Стараясь держаться на безопасном расстоянии, он молча следил, как карта приобретает форму, объем...

Минута, и крошечный голем уже приплясывал у двери.

Вцепившись в ручку двумя верхними конечностями, карлик злобно урчал. Рывок, еще один – дверь подалась, взвизгнула и стала открываться. Голем пронзительно завопил, юркнул в щель и сгинул. Напоследок он успел обернуться и погроzić Хродгару крошечным кулачком. Несмотря на разницу в размерах, северянин попятился.

– Впервые в жизни от меня сбегает карта, – пряча ухмылку, заметил Вульм. Ему понравился вид испуганного Хродгара. Редкое зрелище, чего уж там. – Бывало, крали. Случалось, отбирали силой. Однажды спяну забыл у девки. Но чтоб так – отворить дверь и дать деру...

– Поймаю, разорву в клочья, – пообещал Хродгар. – Лезем следом?

Вульм не торопился. Открыв дверь пошире, он сунул вперед факел, насколько хватило длины руки. Огонь задвигался из стороны в сторону, грозя обжечь. Если голем-ключ прячется поблизости, пусть отбежит подальше, в мерцающую тьму. Трепетали ноздри длинного горбатого носа – словно волк, которому Вульм был обязан именем, искатель сокровищ принимался к открывшемуся перед ним зеву. Живым не пахло. Muskом змей, вонью горного тролля, мокрой шерстью льва-пещерника, слизью гигантской жабы – нет, ничего.

Пыльцы алой хризантемы, способной убить носорога, или порошка из грибов х'амиру, дарующего летаргический сон, Вульм не боялся. На открытом воздухе – еще ладно. Во дворцах, в башнях магов; в сокровищницах Шаммама. Но не под землей, где нет свежего ветра. Кто бы ни обитал здесь, он не самоубийца.

– Дай я, – не выдержал северянин.

С готовностью Вульм посторонился. Если их ждет дракон, пусть с ним первым встретится Хродгар. Когда великана охватывает боевое безумие, лучше не соваться ему под секиру. Если же там ловушки... Ну, в конце концов, Хродгар – не сопляк, в первый раз рискнувший на серьезное дело, и знает, на что идет. Вульм не лгал себе – при необходимости, наверное, и даже наверняка он пожертвует северянином, если в этом будет единственный шанс спастись самому. Но временами, как ни странно это звучит в наш жестокий век, выгода кроется в простой истине: спастись вдвоем и драться плечом к плечу. Хродгар ему нравился. Не имевший друзей, расчетливый и практичный, Вульм был близок к опасной грани – признать Хродгара другом со всеми обязательствами, неудобными и опасными.

«Говорят, так боятся свадьбы закоренелые холостяки», – усмехнулся он, глядя, как Хродгар, встав на четвереньки, лезет в пещеру. Звякнула, зацепившись за камень, секира. Эхо разносило по тоннелям пыхтенье великана. Пожалуй, демоны ада, забредли они сюда для любовных игр, в страхе разбежались бы кто куда.

Когда великан скрылся из виду, Вульм сосчитал до двадцати и последовал за Хродгаром.

– Это рай, приятель! Чертог асов, клянусь мошонкой Эйвунда!

Не двигаясь с места, Вульм смотрел, как Хродгар мечется по пещере. Северянин хватал золото пригоршнями и сыпал себе на голову. Подошвы его сапог топтали драгоценные камни, горами лежавшие на полу пещеры. С маху он подцепил чашу, за которую можно было купить табун лошадей, и зашвырнул ее в дальний угол. Штабель слоновой кости рассыпался под ударами секиры. Перевернулся сундук с динарами хушемитской чеканки, выплеснув содержимое под ноги беснующемуся великану.

Восторг у Хродгара всегда граничил с яростью. И жажда разрушения нет-нет да и выплескивалась наружу.

– Мы купим весь мир! Цари станут лизать нам пятки!

Северянин был прав. Рядом с пещерой Смеющегося Дракона меркли сокровищницы королей Тиримьюты и Даотхи. Барханы золота и серебра, курганы нефрита и яшмы, оружие и жезлы, стоимость которых многократно превышала их полезность. Посуда из металлов, неизвестных алхимикам; одежды, недоступные императорам. Клыки единорогов и маммутов, чешуя василисков, отполированная до зеркального блеска. Волны рубинов и изумрудов, синие эвклазы, алые и голубые бриллианты; паиниты, величиной и цветом похожие на апельсин. Украшения, достойные богов, – диадемы и венцы, браслеты и кольца...

Дракона не было.

Света факелов хватало, чтобы убедиться – никакого дракона, смеющегося или рыдающего. Никто не лежал на сокровищах, разинув пасть и хлеща по стенам хвостом. Разве что крошка-змееныш, взбрелли ему в голову дурацкая идея напасть на грабителей, мог притаиться за сундуком. Из сверкающих завалов тут и там выныривала рожица голема, ярящегося в бессильной злобе. Хродгар запустил в карлика блюдом, по ободу которого плясали сатиры и нимфы. Голем взвизгнул и зарылся в груды сапфиров.

Вульм сделал первый осторожный шаг. Второй. Третий. Поднял обручье с колокольчиками, вслушался в нежный звон. Вернул обручье туда, откуда взял. Четвертый шаг. Подошва чуть скользнула на ковре из динаров. Пятый. Шестой. Проклятый смех мерещился Вульму, сочась изо всех пор пещеры, словно пот. Смеялось золото. Хихикало серебро. Веселились рубины. Скалились клыки маммутов. Шевельнулся, ухмыляясь, сверкающий прибой монет. Извивы безделушек, дрожь цепей с вычурными звеньями...

Лишь чутье, звериный нюх хищника, удержало Вульма от рокового, седьмого шага. Замерев с поднятой ногой, смешной, похожий на цаплю, он вертел головой, не понимая, почему остановился. И все-таки – стоит ему опустить ногу на пол, на край тарели, инкрустированной перламутром... Отверстие в стене? Да, кажется, так. Скрытая пружина? Стрела? Возможно.

Вульм доверял своему чутью.

Он вернул ногу назад, на прежнее место, и услышал, как ревет Хродгар.

Под великаном обвалился пол. Тайный механизм привел в движение плиту, на которую ступил безудержный в своем ликовании Хродгар, и северянин с воплем рухнул вниз. В последний миг он успел обеими руками вцепиться в край люка. Вульму хорошо были видны могучие плечи и голова Хродгара. Сейчас он подтянется, выберется наружу...

Ничего не получалось. Казалось, к ногам Хродгара подвесили две наковальни. Стальные мышцы грозили лопнуть от напряжения, капли пота градом катились с багрового лица, но великан не сдвигался ни на йоту. Взлетев на опрокинутый сундук, гримасничал подлец-голем.

Хватая мелкие монеты, карлик швырял ими в Хродгара, висящего над бездной, но, к счастью, промахивался.

– Вульм! На помощь!

Стоя, где стоял, Вульм раздумывал. Что знают двое, знает свинья. Остаться единственным человеком, кто побывал в пещере Смеющегося Дракона и вернулся с добычей? Неплохая перспектива. С другой стороны, совсем недавно он готов был назвать Хродгара другом. И что? Случается, друзья погибают. Неосторожность, глупое стечение обстоятельств. Нигде не сказано, что друзья обязаны гуськом следовать в пекло...

– Скорее!

Хродгар в прошлом дважды спасал жизнь Вульму. Возвращаться вдвоем, с безумно ценной добычей – безопасней. Пусть повисит, ничего с ним не станется. Надо все взвесить самым тщательным образом. Настоящая дружба – именно такая, она требует подкрепления чувств расчетом. Иначе, как гнилая веревка, она не выдержит веса двух человек.

– Да что же ты?!

Чудовищным усилием Хродгар сумел приподнять себя на дюйм и, не удержавшись, полетел в пропасть. Эхо его хриплого вопля металось по пещере, не желая стихать. Чудилось, что великан летит не в глубины подземелий, где его ждут демоны, а по-прежнему пляшет здесь, счастливый от обретенного богатства.

Вульм вздохнул, довольный тем, что судьба решила за него, и услышал смех. Смех рос, ширился, превращался в хохот, поглощая крик гибнущего Хродгара. Слышалось в нем удовольствие, искреннее и нечеловеческое. Вторя смеху, скакал на сундуке голем. В поисках источника звука Вульм завертел головой и заметил, как шевельнулась куча золота в пяти шагах от него. Изогнулась золотистым боком, блеснула чеканной чешуей. Парой кровавых углей сверкнули два рубина, с интересом вглядываясь в непрошеного гостя. Сплелись цепи от люстры, с силой ударили о слоновую кость. Пять кинжалов сцепились рукоятями в какую-то противоестественную гроздь – кривые, заточенные «на иглу» клинки скрежетнули о камень, оставляя глубокие борозды.

Смеющийся Дракон был здесь с самого начала.

Он окружал Вульма со всех сторон. Мощное тело возникало и исчезало. Сокровища двигались, меняли очертания, жили отдельной, ужасающей жизнью. Глаз-рубин, глаз-топаз, глаз-алмаз. Коготь-меч, коготь-нож; чешуйки-монеты. Шипастый наконечник хвоста – булава военачальника, чье имя угасло в веках. Сундук-пасть. Балдахин-крыло. Клыки единорогов и маммутов. И вновь – золото, серебро, алмазы...

Когда, забыв о ловушках, Вульм сломя голову кинулся к двери, путь ему преградила грудa одеяний. Запутавшись в плотной, колючей ткани, слепой, оглохший, он упал, забился, кашляя от едкой пыли, и успел почувствовать, как дикая тяжесть наваливается на него, ломает кости и погребает под собой.

Но страшнее смерти был – смех.

– ...Раздери меня Бел!

Он обнаружил себя сидящим на камне у входа в пещеру. Сквозь «глазницу» сочился тусклый свет дня. Того же? Следующего? Вульм невольно бросил взгляд на место, где Хродгар заплетал в косицы бороду. Может, он попросту заснул, ожидая, пока северянин закончит свой ритуал? Ему все привиделось?

Но великана в пещере не оказалось. Последнее, что помнил Вульм: убийственная тяжесть, сдавившая грудь, – и тихий, издевательский смех. Потом – чернота. Ничто. Изначальный мрак.

Что произошло? Как он попал сюда?

С крайней осторожностью Вульм напряг и расслабил мышцы, вздохнул поглубже. Вроде ничего не болит, кости целы... Чудо? Магия? А-а, какая разница! Он жив, и это главное! Жаль, конечно, что не удалось прихватить золотишка... Когда искатель сокровищ поднялся на ноги, торба еле слышно звякнула, оттянув плечо.

Что такое?!

Золота было немного. Комок спутанных цепочек, горсть монет, три перстня с топазами, браслет... Вульм запустил в добычу пальцы. Все его существо жадно требовало убедиться, что золото – не мара, не колдовской мираж! И вновь ему почудился ехидный смешок, а топаз в перстне моргнул со значением.

Вздрыгнув и едва не рассыпав украшения, Вульм выбежал из пещеры.

День угасал. Ветер разметал тучи, очистив быстро темнеющее небо, в котором уже загорались внимательные глаза звезд. Белесый серп месяца повис над горами, как топор палача над головами осужденных. Дождь прекратился, и Вульм зашагал прочь, стремясь убраться подальше до наступления полной темноты. В этих диких краях ночь сама по себе таила множество опасностей. Не стоит добавлять к ним те исчадия, что во мраке выбираются из-под земли.

«Я жив и ухожу с добычей, – твердил он, стараясь не вспоминать, какие сокровища лежали за мраморной дверью и как ничтожна его добыча в сравнении с ними. – А Хродгар... Что – Хродгар? Сам виноват: следовало быть осторожней и смотреть под ноги!» Он, Вульм, поступил правильно – как всегда. Мог ли он спасти великана? Кто знает. Скорее всего, оба навеки остались бы в пещере, поспеши Вульм на выручку.

И кому от этого было бы лучше?

Мысли о сгинувшем товарище не давали покоя. Впервые после чьей-то смерти Вульм чувствовал себя неуютно. Он злился, не понимая, что с ним творится. За каждым кустом мерещился подлец-голем, в каждом порыве ветра слышался драконий смех. Должно быть, поэтому Вульм ощутил опасность слишком поздно.

Он взбирался на гребень холма, когда слева, сплетаясь со смехом, послышался вкрадчивый шелест. Мгновением позже взгляд уловил смутное движение. Словно угольно-черная лента текла меж камней, сливаясь с неровностями рельефа. Не оглядываясь, Вульм рванул вверх по склону, но шелест не отставал, следуя за ним по пятам. Уяснив, что спастись бегством не удастся, искатель сокровищ одним прыжком взлетел на замшелый валун, венчавший холм подобно шишаку миласского шлема, и, выхватив из ножен меч, развернулся лицом к неведомому врагу.

Месяц, стгорая от любопытства, осветил каменистый склон – и Вульм разглядел преследователя. Облитый небесным молоком, навстречу жертве вытекал поток сегментов из жесткого хитина – казалось, ему не будет конца. По бокам с завораживающей ритмичностью двигались бесчисленные, глянцево-блестящие лапы с острыми когтями на концах. Голову чудовища венчали две пары кривых, сочащихся ядом жвал, по сравнению с которыми абордажные сабли пиратов были детскими игрушками. Шесть глаз, глубоко утопленных в хитиновую броню, неотрывно следили за добычей.

Гигантская полипеда, реликт давно минувших эпох и эонов, имела не менее двадцати локтей в длину! Вульм слышал рассказы об этих порождениях влажного мрака, царящего в подгорных лабиринтах, но до сих пор никогда с ними не встречался. Он вспомнил рассказ одного джамадийца, с которым случай свел Вульма в походе. Воину пустыни, если верить его словам, удалось справиться с исполинской многоножкой при помощи асегая – копыя с широким листовидным лезвием.

«Избегай жвал! – поучал джамадиец. – От их яда нет спасения. Когти на лапах тоже ядовитые, но не так сильно. Провалиешься неделю в лихорадке – и, если Сет оглянется, выживешь. Когда она поднимется „на дыбы“, чтобы схватить тебя – ныряй под жвала и бей копьём снизу,

в брюхо: там нет брони. Насадишь ее на вертел – и беги что есть ног. Издыхать эта мразь будет долго, но с копьем в брюхе она тебя не догонит».

Совет джамадийца выглядел тонким издевательством – копыя у Вульма не было.

Вдвоем с Хродгаром, а главное, с его секирой они бы управились с тварью и без асsegая. Но Хродгар мертв, и душу его грызут демоны преисподней. Сейчас, на шаг от смерти, Вульм впервые по-настоящему пожалел, что не поспешил на помощь северянину. словно подслушав его мысли, полипеда широко раскрыла жвалы, поднимая переднюю часть туловища для атаки – и в мозг Вульма ледяной волной ворвался знакомый смех. Тварь потешалась над ним!

Кровь ударила Вульму в голову.

– Мерзкое отродье! – бледнея от ярости, взревел он. – Я отправлю тебя в ад!

Увернувшись от кланувших впустую жвал, он прыгнул вперед и всадил клинок меж белесых сегментов брюха. С рычанием повел меч наискосок, намереваясь вспороть полипеду брюхо и выпустить кишки – или что там у гадины внутри?

Из разреза в лицо брызнула смрадная жижа.

Вульм жаждал одного: убить, убить проклятую тварь, осмелившуюся хохотать над ним! Черная ярость ослепила рассудок, и он слишком поздно понял свою ошибку. В бока впились острые когти лап. Вульм рванулся, с ужасом ощущая, как жгучий яд проникает в кровь, туманя сознание и сковывая движения... Нет, тварь держала крепко. Отчаянным усилием он вырвал меч из раны, взмахнул клинком, пытаясь отсечь лапы...

Над головой скрежетнули жвалы. Полипеда плавно изогнулась и впилась человеку в спину. Адская боль кипящим свинцом влилась в жилы Вульма. Крик отчаяния застрял в горле. Он и дернулся-то всего один раз.

Чернота. Изначальный мрак. Ничто.

Смерть.

В мертвенном свете месяца гигантская многоножка с неприятным шелестом кружила вокруг добычи. Яд, как всегда, подействовал исправно. Человек был мертв: он скорчился, так и не выпустив из лап блестящее жало, и больше не шевелился. Рана не беспокоила полипеду – она не чувствовала боли. Можно было приступить к трапезе. Но многоножка медлила, сама не зная почему.

Короткий, неуловимый взгляд бросок. Жвала вырывают из добычи кусок мяса. И снова – завораживающее кружение. Второй бросок. Хорошее мясо. Вкусное.

Полипеда остановилась, нависла над мертвецом...

Труп шевельнулся. По изорванному телу прошла волна дрожи. Грудная клетка распахнулась, словно пасть – и из нее, отразив лучи месяца, высунулись жвала. Полипеда отпрянула. Знай она страх, содрогнулась бы. А навстречу твари уже струился поток сегментов, наполнив ночь зловещим, скрежещущим шелестом. Миг, другой – и колоссальная многоножка, рядом с которой первая охотница казалась безобидной гусеницей, вознеслась над добычей.

Ее жвала взламывали жесткий хитин, как хрупкую скорлупу яйца. Рвали податливую, склизкую плоть. Добыча еще дергалась, судорожно свивая тело в кольцо и вновь распрямляясь, а убийца, не обращая на это внимания, жадно насыщалась. Не только голод двигал ею. Да, она хотела есть, но еще больше она хотела убивать! Уничтожать, рвать в клочья именно это, так похожее на нее существо. Что может быть слаще плоти врага?

Что такое – «враг»? Тварь не знала.

Почему? Тварь не помнила.

Она все делала правильно.

Что такое – «правильно»?..

– ...Мы купим весь мир! Цари станут лизать нам пятки!

Они вновь были в пещере. Великан радовался, как ребенок, осыпая себя дождем из золотых монет. Вульм точно знал, что сейчас произойдет. «Стой! – хотел крикнуть он. – Замри!» Язык присох к гортани, связки не слушались. С огромным трудом ему удалось издать слабый хрип, но Хродгар не услышал. Северянин сделал еще один шаг. Плита ушла из-под его ног.

Еще не поздно. Если поспешишь – я его вытащу!

Ноги приросли к полу. Застыв, словно обращен в камень могучим заклинанием, Вульм мог лишь смотреть, как великан цепляется за край колодца.

– На помощь!

Вульм напряг все мышцы, пытаясь сдвинуться с места – до темноты в глазах, до режущей боли в суставах.

Бесполезно.

– Скорее! Да что же ты?!

Чудовищным усилием Хродгар сумел приподнять себя на дюйм и, не удержавшись, полетел в пропасть. Эхо его хриплого вопля металось по пещере, не желая стихать. Вскоре эхо превратилось в смех – он рос, заполняя голову до отказа, звоном живого золота пересыпался из уха в ухо, давил неподъемным грузом, погребая под собой...

Вульм закричал – и проснулся.

Он лежал на склоне холма.

Пальцы заостенели на рукояти меча. Разжать их удалось с трудом. Тело продрогло от ночной сырости. Одеревеневшие руки и ноги не слушались. Но, главное, Вульм был жив и, кажется, даже не ранен. Как такое возможно, если тебя убила и съела гигантская полипеда?!

В следующий миг накатило. Он вспомнил все. Встающую из его тела многоножку-исполина – втрое больше случайной убийцы. Хруст проламываемого хитина. Пиршество, вкус плоти... Вульм содрогнулся от омерзения. Он помнил себя-чудовище! Но сейчас...

Он – человек?

Рядом валялась торба, откуда выпал перстень с моргающим топазом.

С трудом поднявшись на ноги, Вульм оглядел остатки вчерашнего пиршества. Его едва не вывернуло наизнанку. Подобрал торбу, шатаясь как пьяный, он побрел в сторону пограничной деревни, которую они с Хродгаром миновали на пути к пещере Смеющегося Дракона. Сейчас Вульм не слышал проклятого смеха и радовался этому, как еще не радовался ничему в своей жизни.

II

– Этот курган?

– Да, господин.

– Большой мертвяк?

– Не очень. С медведя.

– Всего лишь? Что ж вы его сами-то, а?

– Ага, сами... легко говорить...

– На медведей не хаживали?

– Хаживали, господин. Он тяжелый – страсть! Землю прогибает.

– Так уж землю?

– Эрик на него с рогатиной, сзади. Ну, всадил в горб. Рогатина – хрясь! Он, гадука, отмахнулся...

– И что?

– Хоронили Эрика без головы. Какая уж там голова...

Когда наемник разразился хриплым, похожим на уханье филина, хохотом, староста подумал, что зря связался с этим безумцем. Говорят, безумцы в бою страшнее. Так то ж в бою! А перед боем с ним еще людям разговаривать надо. И после боя, значит, благодарить...

Не оказался бы живой хуже мертвого!

Редкий снег падал на непокрытую голову старосты, мешаясь с сединой. От пролива тянуло промозглой сыростью. Дыхание близкой воды, еще не схваченной коркой льда, забиралось под кожу, грызло кости. На тот свет пора, вздохнул староста украдкой. На покой. Эх, где ж ты, брат покой...

Выбора не было.

Мертвяк, один из дружины конунга Ингвара Плешивого – погибший в море воин, которого норхольмцы, тремя ладьями переправляясь через Скальдберг, на скорую руку похоронили в чужом кургане, – досаждал сверх всякой меры. Являлся ночами, куролесил. Ломал заборы и двери, лез в дома. Урчал басом, чего-то требовал. Ярился, если боялись и прятались, – желал объясниться, найти понимание. Жрал скотину: у старосты – корову Баську, женину любимицу, у Брегисов – две свиньи с поросенком. На Липовом хуторе заломал лошадь; Эрика, опять же, прикончил. И Витасова младенчика – ударил по люльке, расшиб вдребезги. Деды пророчили: дальше жди худшего. Звереет помаленьку, скоро полюбит человечину.

Видели? Эрику ногу объел...

Мертвяк объел бедняге Эрику ногу или собаки, но староста и сам понимал: дело плохо. На совете окрестных бондов он не стал артачиться, когда решением собрания его послали в Павель – нанимать спасителя. Колдуна, значит, или сильного-могучего бойца – кто б ни был, лишь бы справился. Денег на плату спасителю собрали мало. Мошна развязывалась туго. Бонды жались, крикали, а намекнешь – враз делались косоглазыми. Да и в Павеле на старосту, умоляющего о помощи, глядели с подлой ухмылкой. Слуги магов и на порог не пускали дурака-просителя:

– Занят великий! Алхимию практикует...

– Дык я с поклоном...

– Пшел вон, деревенщина!

– Пропадаем же...

– Вон! Демона спущу!

До градоправителя староста тоже не дошел. До князя – и не надеялся. По кабакам, где он молил каждого, кто при мече, сжалиться над бедой, старосте кричали:

– Ставь выпивку! Насухую не договоримся!

Поначалу он ставил, дальше перестал. А в последний день сел в «Липовом жеребце» у окна, спросил кружку воды остудить сердце – и заплакал. Тут и подошел сумасшедший наемник. Сел напротив, уперся локтями в столешницу. Уставился тусклыми, оловянными глазами – будто душу вынуть хотел. Староста поначалу решил: сочувствует. Ну хоть один... И быстро уверился: ничего подобного. Просто смотрит. Еще и смеется вполголоса.

Ох и смех был – тихий, а хуже вопля.

– Тебе мертвяка убивать? – отсмеявшись, спросил наемник.

– Ага...

– Ну, пошли.

– Деньги, – честно сказал староста. – Мало. Очень.

– Деньги, – повторил наемник со странным выражением лица. Казалось, он пробовал слово на вкус, и по всему выходило: дерьмо. – В задницу деньги. Пошли, говорю.

– Как тебя звать-то, господин?

– Вульм, – и поправился: – Вульм Смехач.

Сейчас, стоя на закате у кургана, наемник ничем не походил на героя, способного уложить ретивого мертвеца. Пьяный, как шутили на хуторах, до рогатых свиней, нетвердо стоя на ногах, он больше напоминал бродягу.

– Норхольмцы? – бормотал наемник себе под нос. – Врешь, крупоед. Врешь! Норхольм своих в чужом кургане не хоронит...

Староста кивнул:

– Твоя правда, господин. Не хоронят. Ан тут взяли и похоронили. С ними скальд был, а то и чародей. Пел-пел, аж глотку сорвал. Чуть бурю не накликал. Конунг хотел покойника на плот, да по воде, с костерком... Нет, и все. Ну, послушались скальда...

– Что, и вас не пограбили?

– Пальцем не тронули. Отплыли без вреда. Спешили, будто гнались за ними...

– Иди прочь.

– Что?

– Убирайся! Без тебя справлюсь.

Дважды уговаривать старосту не пришлось.

Вульм даже не проводил его взглядом. Он и так еле сдерживался, чтобы не задушить поганца собственными руками. Еще с кабака подметил: староста смеется над ним. Втихомолку, отворачиваясь, прыская в кулак, чтобы не заметили. В последнее время все смеялись над Вульмом. Он слышал их смех – тихий, шелестящий; даже если они притворялись серьезными и встревоженными. Да что там слышал! Видел, ощущал вкус и запах, мог потрогать руками...

Вино не спасало. Спасало, и то ненадолго, лишь одно.

Ради спасения и пришел.

Молчаливый, недвижимый, он ждал. Прошел час или больше, и подножие кургана треснуло. В каменистой толще объявилась нора, словно лопнул нарыв, и вместо гноя оттуда полился свет – неприятный, гнилой. От вони, идущей из кургана, кого другого вывернуло бы наизнанку, но Вульм не пошевелился. Как смертник, примирившийся со своей участью, безгласно стоит на эшафоте, ожидая палача, так стоял он, склонив голову к плечу.

Снег таял в его волосах.

Минута, другая, и из норы полез мертвяк. Похожий на чудовищного, закованного в броню кабана, он пер на четвереньках, разбрасывая курящийся паром рыхлый грунт. Навершие шлема казалось рылом зверя. Когда мертвяк выбрался наружу, он – по-прежнему на четвереньках – неуклюжей рысцой потрусил к Вульму, как если бы только и ждал гостя.

Вульм не тронулся с места.

Не добежав пяти шагов, мертвяк остановился и с трудом поднялся на ноги. Закованный в броню, безоружный, с руками, больше похожими на лапы медведя, с темным, исковерканным лицом, он мало напоминал человека. В глазках, сверкающих белым огнем, мерцало недоумение.

– Ы-ы... – заворчал обитатель кургана.

Не говоря ни слова, Вульм разглядывал мертвяка. Земля и впрямь прогибалась под нежностью – чудилось, мертвый воин стоит на болоте, и случайная кочка ходит ходуном, намекая: еще шаг, и в бочаг, на веки вечные. Возникло странное желание: подойти и подергать мертвяка за бороду. Безумие или удивление – бороду словно пришили от другого человека. Расчесанную, заплетенную в дюжину косиц – грязные ленты, полоски кожи, бусы...

– Ты знал Хродгара Олафсона? – спросил Вульф.

Мертвяк рыкнул, соглашаясь или отрицая. Он смеется, понял Вульм. Смеется надо мной. Я же ясно слышу этот хохот – ядовитый, шелестящий, змеиный. Даже этот смеется...

Набрав полный рот слюны, Вульм харкнул на мертвяка. Часть плевка угодила на бороду, испачкав ленты. В ответ, дико заревев, мертвяк ринулся в атаку. Вульм не обнажил меча, не стал уворачиваться, не побежал – просто дождался, пока жуткие лапы свернут ему шею, и меш-

ком упал на землю. Мертвяк бесновался над трупом, лупил себя кулаками в грудь; выл, снова рухнув на четвереньки. Торжествовал он победу, или пытался что-то доказать равнодушному небу, или хотел, чтоб его поняли, – как бы то ни было, понимания он не дождался, а триумф не состоялся. Когда мертвяк в очередной раз наклонился к убитому Вульму, разинув пасть с желтыми клыками, рука трупа вцепилась в глотку обитателю кургана.

Захрипев, мертвяк попытался разорвать хватку врага, но проще ему было бы рвать шкуры на скотобойне. Покойник-Вульм оказался много сильнее себя-живого. Пока мертвяк барахтался, судорожно дергаясь, с телом Вульма происходили ужасающие метаморфозы. Он стал гораздо больше, размерами соперничая с буйволом; лицо его потемнело, исказившись знакомой гримасой – мертвяк словно гляделся в зеркало. Во рту сверкнули желтые клыки, ладони превратились в лапы, тело покрыла броня, точь-в-точь такая, как на мертвяке – только прочнее, тяжелее...

Пальцы разжались сами.

Два мертвяка, большой и малый, качаясь, стояли друг напротив друга. Миг, и обитатель кургана, истошно взревев, кинулся было обратно в нору, но Вульм-мертвец в три прыжка настиг его. Клыки впились в толстый, прикрытый кольчужной сеткой затылок. Повалив мертвяка, как насильник валит встреченную в лесу девку, Вульм рвал его зубами и пальцами, ломал кости. Броня поддавалась под его напором, будто сделанная из листьев дерева, а не из металлических блях.

Когда Вульм, или тот, кто еще недавно был Вульмом, поднялся на ноги, перед ним лежала грудка дергающегося, воняющего падалью мяса. Даль огласил рев – безумный, победительный, такой, что нора в кургане, боясь впустить нового хозяина, вздрогнула и срослась, как старая рана. На хуторах, заслышав этот рев, люди жались ближе к очагу.

Утром младший сын старосты, из пустого удалства сбегав к кургану, доложил землякам, что видел наемника. Тот, не оглядываясь, уходил в сторону Павеля.

Он больше не мог.

Силы кончались. Разум балансировал на тонкой нити, каждую минуту грозя рухнуть в пропасть безумия. Нет, это не разум. Это Хродгар. Висит над бездной, кричит: «Помоги!» Не знает, смешной великан, что никто не придет к нему на помощь.

Гибни молча.

Вульм брел от города к городу, от села к селу, все больше теряя человеческий облик. Над ним смеялись. Он точно знал – смеются. Кольцо на каждом пальце. Серьга в каждом ухе. Монеты в каждом кошельке. И люди. Трижды он убивал насмешников – не сразу, а подстерегая их в укромном месте. Дважды насмешники убивали его – себе на беду, потому что не проходило и минуты, как труп Вульма превращался в двойника убийцы, только втрое сильнее, быстрее, яростнее.

Насытив гнев, он становился самим собой.

В борьбе не переводилось золото. Малая толика, но ее хватало, чтобы в любом случае не умереть с голоду. Смеющийся Дракон был не слишком щедр, но заботлив. От его хохота, преследующего Вульма по пятам, спасало одно – найти чудовище, дать убить себя... То, что происходило дальше, повторяясь раз за разом, не приедалось Смеющемуся Дракону. Где бы он ни находился, в пещере, за спиной или в туманящемся рассудке Вульма, мерзавец готов был вечно любоваться ужасной картиной. Чудовище, которым становился убитый в схватке Вульм, неизменно побеждало, и после этого до завтрашнего утра – а если повезет, то и день-два – искатель сокровищ не слышал проклятого смеха.

Но от снов это не избавляло.

Каждую ночь с регулярностью пытки он посещал знакомую пещеру. «Да что же ты?!» – кричал Хродгар, цепляясь за край. Вульм хотел ответить, или кинуться на помощь, или просто

сбежать, как преступник бежит из опостылевшей темницы... Ничего не получалось. Прошное не менялось: Вульм медлил, не в силах совладать с собственным телом, Хродгар падал, и золото смыкалось над предателем – переваривая, переплавляя его душу и тело.

Сперва он думал, что это кара. Потом решил, что Смеющийся Дракон равнодушен к человеческим поступкам. Для твари главное – зрелище. Потом понял, что смысл ночных видений вряд ли когда-нибудь станет ему ясен. Так происходит, и можно лишь терпеть, стиснув зубы.

Однажды терпение лопнуло, и Вульм перерезал себе горло. Пустое занятие – минутой позже он встал, втрое сильнее и быстрее себя настоящего, только убивать уже было некого, а радоваться обретенной мощи – бессмысленно. Все равно не успел он оглянуться, как утратил новые способности, вернувшись к исходному состоянию.

Его начали сторониться. Стоило Вульму зайти в кабак – и тот пустел, словно в него вошла Госпожа Чума. На улице люди сразу переходили на другую сторону или укрывались во дворах. Никто не соглашался быть его спутником, даже предложи он гарантированный взлом казны султана Духангира и две трети добычи – помощнику. Нанимать его перестали. Он искал чудовищ сам, каким-то сверхъестественным чутьем определяя, где можно найти гигантского змея, упыря или тигра-людоеда. В Каверране он нырнул со скал в объятия кракена, терроризирующего окрестные флотилии. Вскоре много больший кракен, одержав победу, выбросился на берег, где и стал Вульмом.

Двое рыбаков, видевших это, сошли с ума от ужаса.

С недавних пор Вульм стал предпочитать одиночество или общество нищих. У всех остальных были деньги, украшения, яркие безделушки. Золото смеялось над ним, серебро потешалось, сердолик хихикал. Алмазы – те и вовсе задыхались от хохота. Остатки здравого смысла подсказывали – однажды он не выдержит, убьет кого-нибудь на глазах у всех и попадет на плаху. А может, сам будет убит и воскреснет при свидетелях. Его тайна раскроется. Жрецы Кхалоса и Нурая, маги Трипитаки и Арканума будут спорить за право изучить некоего Вульма, как занятную диковину, поместив его в башню из слоновой кости и наблюдая за смертями-воскрешениями.

Если, конечно, его просто не сожгут на площади.

Летом, сидя в лесу под Сегентаррой, своей родиной, и вдыхая аромат свежей зелени, он высыпал из торбы очередные подарки веселой гадины. Бездумно перебирая монеты, взял перстень с топазом. Такой перстень был в каждой порции даров. Надев его на палец, Вульм вглядывался в брызжущий холодными искрами «глаз», словно надеялся увидеть там ответ. Наконец, бледный и решительный, он собрал драгоценности обратно в торбу, встал и побрел на юго-восток – в дальний путь к нагорью Су-Хейль, туда, где за Пальцем Хатон-Идура скрывалась пещера Смеющегося Дракона.

Перстня он не снял.

Ноги скользили по раскисшей земле. Ветер, колючий и злой, порывами налетал из холмов, швырял в лицо целые пригоршни дождя. Кусты бересклета, взмахивая ветвями, рыдали, словно плакальщицы над разверстой могилой. Вульм шел, не оглядываясь, презирая опасность. Сейчас к нему могла подкрасться любая тварь, но человек не думал об этом.

Ему было все равно.

На долгом пути к пещере ему не встретилось ни одно чудовище. Твари избегали Вульма, хотя он не выбирал дороги, срезая путь и ночуя где придется: поляна в лесной глуши, постоянный двор, капище мертвого бога, заброшенное давным-давно. Грабители также старались не вставать на дороге безумца, нутром чуя, что пожива дастся большой кровью.

На безымянном пальце Вульма блестел перстень с крупным топазом. Камень с ехидцей подмигивал всякий раз, когда Вульм смотрел на него. В торбе завалилась горсть монет, чело-

век! Трать! Меняй на вино и еду, проигрывай в кости, швыряй в ухмыляющиеся лица – тебе дадут еще!

Он не притрагивался к проклятому золоту. Брался за любую работу: колол дрова, драил песком котлы в харчевнях, таскал мешки с зерном. Даже соглашался чистить выгребные ямы. Над ним смеялись, с недоумением косясь на перстень, украшавший палец грязного бродяги. Вульм терпел, получая за работу кров и еду. На вино не хватало, но вино и не приносило желаемого забвения.

По ночам он видел сон, а днем его преследовал смех.

Оскалясь, как зверь, он шел дальше.

И вот тропа вильнула змеей, завершившись раздвоенным «жалом». Ни на миг не задержавшись, Вульм принялся карабкаться по мокрым ступеням и вскоре нырнул в левую «глазницу». Он не помнил, как миновал череду залов и тоннелей. Шел в кромешной тьме, без факела, пока не увидел призрачное свечение. Дверь в сокровищницу была открыта, и там, внутри, играли масляные сполохи, приглашая войти.

Опустившись на четвереньки, Вульм заполз внутрь.

Завалы драгоценностей не изменились. Они призывно блестели и переливались огнями самоцветов. Золота в пещере стало еще больше. Или это ему лишь кажется? Барханы текли, наполняя пещеру тончайшим, как писк комара, перезвоном. Через мгновение уши Вульма наполнил знакомый смех.

Перстень не хотел сниматься. Вульм сорвал его, до крови ободрав кожу, едва не вывихнув палец. И размахнулся из последних сил:

– Забирай! Подавись!

Он швырял золото в золото, перстни в перстни, цепи в цепи. Жалкие подачки из торбы – в груды сокровищ, сияющие и бесконечные. Когда торба опустела, Вульм стал хватать что попало, из-под ног, отовсюду – и бросать наугад, с бессильной яростью, как прашник мечет жалкие камни в боевого, укрытого броней слона.

– Не надо! Не хочу!

Он не надеялся на возмущение хозяина пещеры и был до икоты, до остановки сердца счастлив, когда золотые горы зашевелились. Смеющийся Дракон окружил неблагодарного нахала со всех сторон, взял в кольцо, оскалил клыки.

– Будь ты проклят!

Никто сейчас не смеялся в пещере, кроме Вульма. Он хохотал, чувствуя, как его хоят под ливнем драгоценностей, ликовал, заваленный трепещущим металлом, выкрикивал оскорбления, чувствуя, как прерывается дыхание, а кости вот-вот раздробятся под невыносимой тяжестью. Но мечте Вульма не суждено было сбыться. В последний момент золото осыпалось с жертвы, растаяло ледышкой в кипятке; содрогаясь, отползло в глубины пещеры.

– Вульм! На помощь!

Все повторялось! Во сне? В бреду? Наяву? Он стоял на прежнем месте, плита уже повернулась под ногами Хродгара, и великан повис на краю бездонного колодца, не в силах выбраться.

– Скорее! Да что же ты?!

В глотке клокотала бессильная ярость. Опять – в который раз! – Вульм заставлял тело подчиниться своей воле, желая прийти на помощь северянину, и опять не мог совладать с собственной плотью. Напротив, в стене, чернело отверстие. Полшага отделяло Вульма от плиты-педали, приводящей ловушку в действие. Если он не в силах спасти Хродгара...

От дикого напряжения потемнело в глазах. Казалось, жилы сейчас лопнут, как перетянутые струны, мышцы разорвутся гнилыми канатами, а кости раскрошатся в труху. Кипящий мозг выплеснется из расколовшегося черепа, пятная сокровища... Медленно, очень медленно

левая нога Вульма преодолела эти полшага, длинные, как бессмысленная жизнь, – и опустилась на плиту.

Стрела ударила в сердце.

Он воскрес почти сразу и ощутил, что может двигаться! Проклятые оковы исчезли. Не раздумывая ни секунды, Вульм бросился к багровому от натуги Хродгару. Ухватил великана под мышки, рванул на себя... Чудовищным усилием ему удалось приподнять Хродгара на какой-то жалкий дюйм. Как же так?! Он ведь должен был стать втрое сильнее себя самого! Да, он изменился – Вульм чувствовал это, но сил не прибавилось.

– Я сейчас!

Он выхватил из торбы моток прочной веревки.

– Меня что-то схватило! – прохрипел Хродгар. – Уходи...

– Не дождешься! Мы уйдем вместе.

Обмотав веревкой могучий торс Хродгара, он привязал другой конец к каменному выступу, подозрительно напоминавшему торчащий из стены рог. Ноги скользили на золотых монетах, рассыпанных по полу.

– Беги, Вульм! Оно тащит меня вниз...

– Держись, друг. Руками, зубами – чем угодно! Я сейчас...

Он заглянул в темный колодец. Ноги великана до бедер оплели гибкие шевелящиеся плети. Щупальца? Хищные лианы? Какая разница! Жестокая улыбка осветила лицо Вульма – и, даже не подумав выдернуть меч из ножен, он с рычанием прыгнул в бездну.

– Вульм!..

Хватка ослабла через несколько мгновений. Там, в смрадной глубине, что-то происходило. Шипение, влажный хруст, безумная, убийственная кутерьма... Еще миг, и Хродгар понял, что свободен. Кем бы ни был обитатель бездн, у него нашлись заботы поважнее северянина. Ухватившись за веревку, Хродгар в три рывка выбрался из колодца и поспешил откатиться подальше. Сев, великан нахлобучил на лысину свалившийся шлем, вытер ладонью мокрое лицо и, устыдившись, кинулся обратно к провалу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.